

ГОЛОСЪ
ЖИЗНИ

915

№ 25

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЕЖЕНЕДЕЛЬНИКЪ

СОДЕРЖАНИЕ № 25.

- Е. Яновскій.** „О педесной блокадѣ“ (статья).
Б. Верхоустиинскій. „Мелодикъ и диномытъ“ (разсказъ).
Георгій Чулковъ. „Оправданіе символизма“ (статья 11).
О. Мандельштамъ. Стихи.
М. Сазоновъ. „Отрокъ Хведоръ“ (разсказъ).
М. Сандомирскій. „Зоя“ (разсказъ).
Д. Крючновъ. „На кукольной выставкѣ“ (статья).

ИЛЛЮСТРАЦИИ:

- Выставка рисунковъ и этюдовъ Е. Лансере и М. Добужинскаго: **Е. Лансере.** „Сибирскій казакъ верхомъ“ (стр. 3), „Пластунъ Иванъ Галаганъ“ (стр. 5), „Караванъ верблюдовъ, отбитыхъ у турокъ“ (стр. 7), „Нариманъ (пограничное селеніе)“ (стр. 9), „Старикъ турокъ-мулла“ (стр. 11), „Къзетъ траншея“ (стр. 20).
Г. Верейскій. „За городомъ“ (стр. 13).
А. Соборова. „Рисунокъ“ (стр. 19).
Заставки: С. Чехонина, Яннауэръ, Овсиковой, Гросса, Тыранова.
Къ выступленію Италіи: „Видъ Триеста“ (стр. 1).
„Старая-турецкая крѣпость (Малая Азія)“ (2 рис.) (стр. 15).

Адресъ Редакціи: Лиговская, 114, нв. 2, тел. 20-01. Приемные часы: по вторн. отъ 3-хъ до 6-ти. Рукописи, присылаемыя въ Редакцію, должны быть четко написаны, черезъ страницу. На отвѣтъ прилагаются почтовые марки. Непринятые рукописи хранятся въ теченіе мѣсяца, послѣ чего уничтожаются.

При семъ № 25 разсылается подписчикамъ 9-й выпускъ полнаго собранія сочиненій **Льва Толстого**, содержащій романъ „**ВОЙНА и МИРЪ**“ (продолженіе).

Въ „ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“ принимаютъ участіе:

Въ литературномъ отдѣлѣ:

Г. Адамовичъ, С. Андреевскій, Анна Ахматова, С. Ауслендеръ, Г. Бароновъ, В. Бестужевъ, Л. Берманъ, А. Блокъ, В. Богучарскій, Н. Бородинъ, Н. Бруни, В. Брусянинъ, З. Венгерова, Б. Верхоустиинскій, Б. Веселовскій, Л. Галичъ, В. Гиппиусъ, З. Гиппиусъ, Г. Георгіевскій, С. Городецкій, Л. Добронравовъ, Н. Долговъ, Сергѣй Есенинъ, Борисъ Зайцевъ, И. Зейлингеръ, В. Иренинъ, Р. Ивневъ, В. Каратыгинъ, В. Карачарова, А. Карташевъ, Н. Коробко, В. Кохановскій, Антонъ Крайни, Д. Крачковскій, Борисъ Кремиевъ, Д. Крючковъ, М. Курчинскій, О. Ларинъ, Д. Левинъ, Н. Лернеръ, О. Мандельштамъ, Е. Мауринъ, А. Мейеръ, Д. Мережковскій, Д. Митрохинъ, М. Моравская, М. Новорусскій, Я. Окуневъ, І. Орбѣли, Е. Псковитиновъ, А. Ремизовъ, В. Ропшинъ, А. Ростиславовъ, Е. Семеновъ, М. Славинскій, Ю. Слезкинъ, Ю. Слонимская, Андрей Соболевъ, К. Соколовъ, П. Соловьева (Allegro), В. Соловьевъ, А. Тиняковъ, А. Толмачевъ, О. Форшъ, А. Чапыгинъ, Георгій Чулковъ, М. Шагинянъ, Викторъ Шкловскій, К. Эрбергъ, Н. Ястребовъ и др.

Въ художественномъ отдѣлѣ:

Н. Альтманъ, А. Арнштамъ, Александръ Бенуа, И. Билибинъ, Л. Бруни, Г. Верейскій, А. Гроссъ, М. Добужинскій, С. Ереминъ, А. Иванова, Л. Квятковскій, Коровкинъ, Г. Лукомскій, Д. Митрохинъ, П. Митуричъ, М. Нечитайло-Андреевко, Б. Поповъ, Б. Позень, Е. Псковитиновъ, Н. Рерихъ, Н. Смирновъ, А. Соборова, С. Чехонинъ, Щекотихина, В. Яннауэръ, С. Яремичъ и др.

Подписная цѣна журнала „ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“ съ 82-мя книгами полнаго собранія сочиненій Л. Н. Толстого съ пересылкой—8 р. 50 к.

Допускается разерочка: при подпискѣ—3 р. 50 к., къ 1-го марта—2 р., къ 1-го июня—2 р., къ 1-го августа—1 р.
Цѣна за 6 мѣс.—4 р. 25 к., за 3 мѣс.—2 р. 12 к.

Подписная цѣна журнала „ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“ (безъ книгъ полнаго собранія сочиненій Л. Н. Толстого).
Съ пересылкой: за годъ—4 р. 50 к., за 6 мѣс.—2 р. 50 к., за 3 мѣс.—1 р. 35 к. Разерочка допускается: при подпискѣ—2 р. 50 к., къ 1-го июня—2 р.

ПРИ ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА необходимо прилагать СТАРЫЙ АДРЕСЪ И ТРИДЦАТЬ (30) коп. почтов. марками.
Заявленія о неполученіи очереднаго номера необходимо дѣлать тотчасъ по полученіи номера, слѣдующаго за неполученнымъ. Позднѣйшія заявленія удовлетворены быть не могутъ.

Гг. ПОДПИСЧИКИ, БЛАГОВОЛИТЕ СОХРАНЯТЬ АДРЕСА

наклеиваемые на обложку номеровъ журнала, и **ОБЯЗАТЕЛЬНО ПРИЛАГАЙТЕ ихъ ко ВСѢМЪ ЗАЯВЛЕНІЯМЪ**, какъ напр. къ письмамъ о перемѣнѣ адреса, о неполученіи очередныхъ номеровъ, къ денежнымъ переводамъ и проч. Это условіе чрезвычайно ускоряетъ всякія справки и способствуетъ **быстрому удовлетворенію требованій.**

МОНЕТЫ, дорого покупаю **платину** 3 р. по 20 р. Списокъ покупаем. монетъ выс.—75. Каталогъ цѣнн. монетъ выс. 1 р. 25 к. Н. П. Пылаевъ, г. Симбирскъ.

Большой выборъ книгъ въ Акционерн. Общ. Издательствѣ А. А. КАСПАРИ, Петроградъ, Лиговская ул. № 114.

ВСЕРОССИЙСКІЙ СЛОВАРЬ-ТОЛКОВАТЕЛЬ,

составл. нѣсколькими филологами и педагогами по извѣстнѣмъ словарямъ: Даля, Макарова, Павловскаго, Гейзе, Бронгауза, Березина, Гильдебрандта и многихъ другихъ. Въ этомъ компактномъ изданіи А. А. Каспари (3408 столбцовъ) каждый, кому необходимо навести справку о какомъ либо понятіи или словѣ, найдетъ толковое объясненіе съ историческими справками и проч. С.-Петербургъ. Цѣна за оба тома въ перепл. и съ перес. 3 рубля.

Требованія адресуются Акционерному Обществу Издат. А. А. КАСПАРИ, Петроградъ, Лиговская ул., 114, и Садовая ул., 20.

ГОЛОСЪ ЖИЗНИ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕНЕДЕЛЬНИКЪ

издаваемый Акц. Общ. Издательства А. А. Каспари въ Петроградѣ, при ближайшемъ участіи Д. В. Философова.

Петроградъ.

№ 25

17 іюня 1915 г.

Къ выступленію Італіи.

Видъ Триеста.

Е. ЯНОВСКІЙ.

О „ПОДВОДНОЙ БЛОКАДѢ“.

Для того, чтобы нѣсколько разобраться въ тон тяжбѣ, которую затѣяла Германія со всѣмъ свѣтомъ, вздумавъ угрожать всему нейтральному судоходству въ англійскихъ водахъ, вообразимъ себѣ три основныхъ случая, когда торговые суда нейтральныхъ странъ оказываются въ такихъ или иныхъ правовыхъ отношеніяхъ къ воюющей на морѣ державѣ.

1. Нейтральное судно, пытающееся доставить противнику воюющаго т. н. военную контрабанду—оружіе и т. п., теряетъ этотъ контрабандный грузъ, если воюющій сумѣетъ задержать судно; при извѣстныхъ, болѣе или менѣе сложныхъ, условіяхъ конфискуется воюющимъ и самое судно.

2. Всѣ прочіе предметы, предназначенные для одного

изъ воюющихъ, но не составляющіе военной контрабанды, могутъ быть провозимы нейтральными судами безпрепятственно; воюющій въ томъ только случаѣ можетъ наложить запретъ на нейтральную торговлю, если выполнитъ довольно громоздкую военную операцію, именуемую блокадой.

3. Наконецъ нейтральное мореплаваніе, не задающее себѣ цѣлю сношеній съ кѣмъ либо изъ воюющихъ, абсолютно свободно отъ какихъ либо воздѣйствій со стороны послѣднихъ, внѣ всякихъ условій и ограниченій: на стражѣ его стоитъ великое начало „свободы моря“, освященное трехсотлѣтнимъ признаніемъ (уже знаменитый Гуго Гроціи писалъ о *mare liberum*).

Таковы общепринятія начала международного права. Мы

видимъ здѣсь—отъ перваго случая къ третьему—восходящую прогрессію неприкосновенности нейтральныхъ, возрастающую требовательность по отношенію къ воюющимъ; тяготы и стѣсненія, какія воюющіе вправѣ налагаютъ на неучастныхъ къ войнѣ, допустимы лишь при точно опредѣленныхъ условіяхъ, въ рамкахъ, проведенныхъ съ тонкой юридической щепетильностью.

Рѣшеніе, которое приняла Германія, опрокидываетъ все это сооруженіе, возведенное вѣками культурнаго процесса и старательно отдѣланное юристами. Возвѣщенная адмираломъ Тирипцемъ „подводная блокада“ отвергла все эти „*juris subtilitates*“, какъ говорили римскіе юристы, все эти „субтильности“, различія и разграниченія. Устанавливался новый, упрощенный порядокъ, и въ простотѣ его растворялись намѣченные выше нормы, а заодно съ ними и кое-какія начала общечеловѣческой нравственности и гуманности.

Со времени парижской деклараціи 1856 г. (подъ ней и подпись Германіи имѣется) считается, что „блокада, чтобы быть обязательной, должна быть дѣйствительной“, или, какъ говорятъ иначе, эффективной.

Это значитъ: государство, желающее отрѣзать неприятелю подвозъ съ моря и не останавливающееся ради этого предъ посягательствомъ на интересы нейтральной торговли, не можетъ ограничиться однимъ лишь оповѣщеніемъ, что, начиная съ такого-то времени, такая-то территорія блокируется, закрывается для морскихъ сношеній; свой запретъ оно должно подкрѣпить присылкой достаточнаго количества военныхъ судовъ, способныхъ дѣйствительно преградить доступъ къ берегу настолько, чтобы попытка прорваться была сопряжена съ серьезной опасностью. При этомъ только условія наступаютъ юридическія послѣдствія блокады, а именно: всякое судно, даже и нейтральное, будучи захвачено при попыткѣ прорвать сторожевую цѣпь, достается, вмѣстѣ съ грузомъ, блокирующему. Но тутъ опять вмѣшиваются придирчивые юристы-международники и заявляютъ, что военное судно-взятель обязано соблюдать и по отношенію къ попавшемуся „кущѣ“ опредѣленный „порядокъ производства“: захваченное судно должно быть отведено въ портъ блокирующей державы и тамъ особый „призовой судъ“ разбереть, правдивъ ли былъ захватъ. Только въ случаѣ крайней необходимости можно потопить захваченное судно (если отводъ въ портъ сопряженъ съ опасностью для военнаго судна). Но и тутъ, разумѣется, долгъ взятеля—обезпечить безопасность всѣмъ находящимся на суднѣ людямъ.

Все это весьма неблагоприятствовало планамъ адмирала фонъ Тирипца, жаждавшего заблокировать Англию, въ цѣляхъ повидимому не столько чисто-военныхъ, сколько политическихъ. Какая ужъ тамъ „эффективность“, когда флотъ германскій весьма неэффективно застрялъ въ собственныхъ гаваняхъ! „Свободой передвиженія“ пользуются лишь германскія подводныя лодки. Но, какъ ни горда Германія своимъ сравнительно многочисленнымъ подводнымъ флотомъ, о томъ, чтобы окружить и заблокировать имъ Англию, не могло быть и рѣчи; оставалось поэтому объявить такъ наз. „бумажную блокаду“, т. е. отказаться отъ начала эффективности и просто-напросто возвѣстять *urbi et orbi*, что съ такого-то дня (⁵/₁₈ февраля) Германія будетъ считать себя вправѣ захватывать всякое нейтральное судно, направляющееся въ Англию или изъ Англии (то же относится къ сѣверному побережью Франціи), если такое судно попадетъ ей вблизи этихъ странъ. При этомъ германцы уже не считаютъ съ тѣмъ, везетъ ли злополучное судно военную контрабанду, или какой либо совершенно невинный грузъ.

Противъ этого нельзя было бы возражать, если бы... если

бы германская блокада была дѣйствительной, а не „бумажной“. При отсутствіи же этого условія неудивительно, что за морями германскихъ субмаринъ укрѣпилось нѣсколько романтическое, но все же неслестное прозваніе морскихъ пиратовъ.

Но эта подводная блокада-модернъ не только сдавала въ архивъ принципъ эффективности; она вела и къ другимъ, еще болѣе „эффективнымъ“, послѣдствіямъ. Какъ сказано, взятель долженъ захваченный имъ призъ отвести въ отечественный портъ; если же задержанное судно уничтожается, то должна быть обезпечена личная безопасность экипажа и пассажировъ. За отводъ приза подводная лодка, вся сила которой въ томъ, что врагъ не можетъ обнаружить ея, конечно не возьмется; но и спасать экипажъ, пассажировъ—она также не въ состояніи. Къ тому же,—аргументируетъ германское правительство,—англичане пользуются нерѣдко флагами и нейтральныхъ державъ и вооружаютъ свои коммерческіе корабли: пока лодка будетъ вести переговоры съ такимъ кораблемъ, она сама рискуетъ быть потопленной. А отсюда выводъ: пусть нейтральные пеняютъ на себя, если подданные ихъ, застигнутые гдѣ нибудь въ Ламаншѣ какой нибудь германской „U 3“, получаютъ немедленно, безъ лишннихъ разговоровъ и сантиментальностей, внушительную „нотификацію“ ввидѣ мины, которая и пуститъ ихъ, мирныхъ гражданъ невоюющей державы, вмѣстѣ съ нейтральнымъ судномъ на дно.

Отказываясь отъ предварительныхъ переговоровъ и осмотра, подводная лодка не можетъ далѣе удостовѣряться и въ томъ, куда и откуда данное нейтральное судно направляется (быть можетъ, это—шведскій пароходъ, плывущій въ Аргентину). Кто бы и почему бы ни оказался въ запретныхъ водахъ, пощадъ не будетъ. Такимъ образомъ „заблокированной“ оазисъ оказалась уже не вражеская территорія, а опредѣленная часть открытаго моря, что и было выражено Германіей въ корректной на видъ формулѣ о включеніи такихъ-то водъ „въ зону военныхъ дѣйствій“. Не избѣжалъ „модерной“ трактовки и упомянутый нами выше принципъ свободы моря.

Вся эта затѣя, вызвала единодушный и негодующій протестъ нейтральныхъ странъ, особенно Соединенныхъ Штатовъ. Особенно обострился вопросъ въ теченіе минувшаго мая.

Наиболѣе оглушительный подвигъ подводныхъ героевъ—потопленіе „Лузитаніи“, потрясшее весь цивилизованный міръ,—заставилъ американцевъ призвать Германію къ отвѣту не только по поводу пресловутой „блокады“, но и въ виду всей вообще преступной дѣятельности германскихъ субмаринъ. Въ случаѣ съ „Лузитаніей“ германцы воспользовались безспорнымъ правомъ воюющаго—захватывать, а въ случаѣ нужды и топить вражескія, хотя бы и коммерческія суда. Упустили они при этомъ лишь пустяшную „формальность“: не позаботились о спасеніи тѣхъ, кого злой рокъ привелъ на бортъ „Лузитаніи“. А такъ какъ среди злосчастныхъ пассажировъ ея было немало американскихъ гражданъ, притомъ весьма именитыхъ, то „сдержанная и владѣющая собой нація“, какую желаетъ видѣть своихъ соотечественниковъ президентъ Вильсонъ, и оказалась накануне открытаго разрыва съ разбойничашимъ правительствомъ, слишкомъ широко примѣняющимъ одно изъ любимыхъ изреченій щедринскаго Гудушки: „по нуждѣ и закону премѣна бываетъ“. Вудемъ думать, что германская „нужда“—вести морскую войну посредствомъ подводныхъ лодокъ, по природѣ своей неспособныхъ протянуть руку помощи утопающему,—не оправдаетъ въ глазахъ американцевъ отмѣну того „закона“, что во всякой войнѣ—въ морской не меньше, чѣмъ въ сухопутной,—жизнь мирныхъ гражданъ должна быть неприкосновенной.

Е. Яновскій.

Выставка рисунковъ и этюдовъ Е. Лансере и М. Добужинскаго.

Е. Лансере. Сибирскій казакъ верхомъ.

Б. ВЕРХОУСТИНСКІЙ.

МОЛОДИКЪ И ДИКОМЫТЬ

I.

Идутъ по лѣсу помытчики, ловцы соколовъ, шчуть помчище—соколиное мѣсто; въ рукахъ у нихъ клѣтки съ голубями, за плечами сѣти—ловчій снарядъ.

Который помытчикъ постарше—сѣдая борода по чрево и брови наспуленные, то—Тимоха, а младшій—Казаринка—кудри завитушками, лицо—кровь съ молокомъ.

Выходятъ помытчики на вершину холма, гдѣ стоятъ три кражистыхъ дуба,—посвистываетъ вѣтеръ, солнце выглядываетъ изъ-за дальнихъ лѣсовъ. Тутъ, на вышкѣ, соколиное мѣсто и есть, сюда соколы и залетываютъ.

Налаживаютъ помытчики свои сѣти, привязываютъ къ дубамъ голубей, вынутыхъ изъ клѣтокъ, сами ложатся на траву, ждугъ—не шелохнутса.

Съ гнѣвнымъ крикомъ прилетаетъ сѣрый кречеть съ поднебесья, падаетъ, растопыривъ когти, на голубя, рветъ сизую птицу—вздываются пухъ и перья по сторонамъ. Тимоха дергаетъ веревку, сѣти рушатся на хищника, запутывается онъ ярой злобой загораются желтые глаза. Бѣжить

Казаринка къ плѣннику, ввергаетъ въ неволю—въ пустую голубиную клѣтку.

Сдѣлавъ лѣло, помытчики опять налаживаютъ сѣти и ложатся подъ дубами въ траву.

Курлыкаютъ привязанные къ деревьямъ голуби, бѣснуетса въ клѣткѣ плѣнникъ. Серебряной стрѣлой мелькаетъ въ поднебесьѣ новый хищникъ, далеко разлетается соколин крикъ. Молніей падаетъ соколъ на голубя, размажливаетъ твердымъ клювомъ голову сизой птицы—и вотъ спущена сѣть, бьется, клекочетъ соколъ, пытаясь выпутаться.

— Дикомыть!

Старый соколъ клекочетъ въ тѣсной темницѣ. Зря силу въ поднебесьѣ вынашивалъ: дождль въ старости до неволи. Рветъ дикомыть когтями рѣшетку клѣтки, шипитъ, раздѣваетъ въ безсильномъ гнѣвѣ клювъ.

— Богъ удачу послалъ!—говорить Тимоха.

Казаринка собираетъ сѣти—помытчики уходятъ въ обратный нуть, унося съ собой живую добычу, молочика кречета да бѣлаго дикомыта.

Выходятъ помытчики на поляну, къ избѣ, огороженной

тыномъ. Стоитъ у воротъ молодуха съ ребеночкомъ у груди—жена Казаринки. У нея бровь соболиная, коса тяжелая, ноги босы, узорчатый сарафанъ. Выходитъ изъ избы и тимохина старуха, въ лыковыхъ лаптяхъ, морщинистая.

— Дикомытя помыкали!—хвалится Тимоха.

— Да молоденькаго кречета!—говоритъ Казаринка.—Эва, сердчаютъ... Небось, и съ ними управимся!

II.

Стали помытки вынашивать плѣнниковъ, ломать стропильность, дѣлать вѣжливыми. Занялся Казаринка молодыкомъ, а Тимоха—бѣлымъ дикомытемъ. Двое сутокъ продержали птицъ безъ ѣды, на третью—поднесъ Тимоха дикомытю кусокъ мяса, чтобы онъ взялъ изъ рукъ,—не беретъ соколъ, клекочеть, шерится.

— Ладно, свѣтъ, выдывали не такихъ!

Подержали птицъ въ голодѣ еще день—не смирились онѣ. Тогда начали ихъ безъ сна томить. Чуть закроютъ глаза, чуть вздремнутъ,—стучитъ Тимоха палкою по клѣткѣ, Казаринка въ дудку дудитъ,—ощеряются птицы, открываютъ глаза, но ужъ нѣтъ силы ни клекотать, ни рвать когтями прутья темницъ. Сомкнутся птичьи глаза—дудитъ Казаринка въ дудку, стучитъ Тимоха палкою: еле стоятъ на ногахъ птицы, а смотрятъ.

Въ скоромъ времени пріучили помытки плѣнниковъ къ послушанію, стали онѣ вѣжливыми—брали мясо изъ рукъ, сидѣли смиренненько на рукавицѣ; вылетали изъ отворенныхъ клѣтокъ на зовъ. Привязали къ ихъ ногамъ помытки колокольцы, вынесли изъ дома. Спустилъ Тимоха бѣлаго дикомытя, взвился тотъ въ поднебесье, пропал. Немного погодя, затрубилъ Тимоха въ рогъ—прилетѣлъ дикомытъ къ вабленью, сѣлъ на рукавицу, будто удобнѣе мѣста не знавалъ. Спустилъ и Казаринка кречета—вернулся п тотъ на свистъ.

— Гей, хозяйки, обряжайте-ка мужей въ путь-дорогу! Пора птицъ отвозить къ государеву двору.

Напекли бабы калитокъ да колобовъ, накалили яицъ, запрягли помытки коня въ телѣгу, поставили въ телѣгу клѣтки съ соколами, взяли по топору на всякій случай встрѣчи лихихъ людей; всплакули бабы. Поѣхали помытки за доли, за лѣса; долго ли, коротко ли—добрались до златоглавой Москвы. И тамъ сдали обѣихъ птицъ сокольникъему Ивашкѣ Щеголю да вернулись съ московскими гостинцами домой.

Назвалъ Ивашка Щеголь сѣраго кречета „Ерусланомъ“, а бѣлаго дикомытя „Сафатомъ“, выносилъ въ доѣзжачее поле чаще другихъ.

Той порой пріѣхалъ къ свѣтъ-государю Василию Ивановичу папскій посолъ, генуэзецъ Павелъ, просить пропуска черезъ московскія земли на рѣку Океусъ, поискать сухопутнаго пути въ вѣднскія страны. Не далъ ему на то воли великій князь, но былъ во всемъ милостивъ и велѣлъ затѣять ловы съ соколами. Обулъ Ивашка Щеголь красные сапоги, нанпзалъ на персты перстни съ самоцвѣтными камнями, притеръ щеки бѣлилами, покрасилъ аlostью губы, подчернилъ брови, надѣлъ турскій кафтанъ да на русую голову—шапку-мурмолку, вскочилъ на борзаго коня.

Выѣзжалъ Василии Ивановичъ ловы дѣяти. На его главѣ двукозырчатый шеломъ, кафтанъ расшитъ золотомъ, у пояса ножъ. Ъхалъ онъ на ворономъ конѣ, справа—казанскій царь Шигъ-Алей, прогнанннй отъ своего царства, слѣва—генуэзецъ Павелъ въ оперенной шляпѣ, съ мечомъ при бедрѣ.

Въ чистомъ полѣ махнулъ Василий Ивановичъ рукою, спустили сокольникъи кречетовъ да соколовъ. Пуце всѣхъ прыснулъ дикомытъ „Сафатъ“, нагналъ лебедя, забилъ—упалъ лебедь съ высоты къ ногамъ государевымъ. Молвилъ великій князь генуэзцу:

— Люба мнѣ забава соколиная! У васъ-то въ заморщицѣ, чай, немного эдакихъ потѣхъ.

Повѣдалъ генуэзецъ, какъ охотятся герцоги да короли; вновь взвился въ поднебесье дикомытъ „Сафатъ“. Сказалъ государь папскому послу:

— Люба мнѣ, любя потѣха соколиная. Желаемъ мы папѣ Клименту, опрочъ всего, ручныхъ соколовъ послать. Како соколы побиваютъ перелетныхъ птицъ, тако и христiane да осилать невѣрныхъ сарацынъ.

Стегавулъ великій князь жеребца, понесся по чистому полю вдаль. Возвосились соколы въ вышину, били малыя птицъ и большихъ. Какъ стало смеркаться, зарубили сокольникъи въ трубы—слетѣлись къ вабленью летуны; сѣлъ дикомытъ „Сафатъ“ на рукавицу Ивашки Щеголя, чистилъ окровавленный клювъ о сафьянъ.

Тронулись ловцы въ обратный путь, къ златоглавой Москвѣ. Ивашка Щеголь закручинился: эдакаго дикомытя, царь-сокола, повелѣно справить въ иноземщину, къ латляцамъ въ страну. Эдакаго дикомытя увезутъ изъ родимой земли... Не жалѣть государю добра своего!

И точно: приспѣла пора, снаряжилось посольство въ обратный путь ко граду Риму, увезло сокола „Сафата“ и еще другихъ. Остался Ивашка Щеголь съ молодыкомъ-кречетомъ.

III.

Сказалъ помытыкъ Тимоха своей старухѣ:

— Томится душа моя. Вижу города иноземные, ходятъ бирюжи, покрываютъ, стоятъ наѣзники ляхскіе въ два ряда—брони крылатыя, на плечахъ звѣринаго мѣха паволоки. Вижу башни высокія, палаты каменные.

Огвѣтила старуха:

— Нечистаго навожденіе... Порхаетъ душа по дальнимъ краямъ, прельщается иноземною прелестью.

Сталъ помытыкъ строго постничать, но ревность не пособила ему: томилась душа, будто плѣнница; видѣлись ему во снѣ великіе города, людей множество.

А соколъ „Сафатъ“ въ золоченой клѣткѣ по родимой волѣ горевалъ. Крѣпка темница—не вылетѣтъ изъ нея, слабѣютъ соколиныя крылья. Вспоминалъ онъ въ Римѣ помытыка Тимоху, изловившаго его. Кабы воля была, прилетѣлъ бы къ помытыку, поклевалъ бы ему очи, порвалъ бы старое тѣло. Хирѣлъ дикомытъ въ неутоленной ярости, повылѣзли перья изъ шеи, обнажилась грудь. И склонилась буйная голова, потемнѣли глаза, но выпрямился дикомытъ, почуя смерть, крикнулъ, какъ въ поднебесьѣ на Руси крикивалъ, выступила кровавая иѣна изъ ноздрей,—свалился бѣлый соколъ „Сафатъ“, выбросили его папскіе слуги изъ золоченой клѣтки.

Прошла въ сердце помытыка Тимохи боль, будто пронзилось оно стрѣлою. Упалъ онъ на сѣдой мохъ въ лѣсу, гдѣ былъ, впился въ землю перстами. И услышалъ онъ соколиный крикъ, и коснулись его лица соколиныя крылья.

Черезъ три дня нашла старуха мертваго мужа, обмыла его, расчесала его бороду; уложила въ гробъ и похоронила, а тою порой въ Москвѣ приключилась у сокольникъяго Ивашки Щеголя лихая бѣда: улетѣлъ кречеть „Ерусланъ“, не вернулся на зызывный свистъ. Посѣкли слугу государеву за нерадивую службу батожьемъ.

Е. Лансере. Пластунъ Иванъ Галаганъ,

IV.

По зеленому саду боярышня похаживаетъ, на качеляхъ качивается. Высокъ частоколь, не вылянуть за него. Будто черныя змѣи, вьются косы за качелями; мониста на высокои груди позвякиваютъ. Въ сторонѣ сидитъ старая матушка подъ яблоней.

— Ой, няюшка моя, мамушка!—говоритъ боярышня,—гляди, птица диковинная!

Смотритъ мамушка:

— Не простая птица, ученая. Знать, отбилась отъ кого да залетѣла на высокій нашъ тынъ. Велю челяди изловить ее.

Уходитъ мамушка. Смотритъ кречеть на боярышню, она отъ него не можетъ отвести глазъ, будто привороженная. Сбѣгается челядь—улетаетъ кречеть, не даетъ себя поймать.

Вверху сидитъ боярышня у косяцата оконца. Вновь слетаетъ стѣрый кречеть на высокій тынъ. Не кличетъ боярышня нянюшки-мамушки: то—не птица, не кречеть, то по суженому вѣсть. Бьется дѣвичье сердце, алѣетъ лицо: опускаетъ боярышня каряя очи внизъ.

V.

Говоритъ Казаринка женѣ:

— Не ходи!

Садится на лавку она.

Говоритъ онъ опять:

— Не сиди!

Встаетъ она, кладетъ малютку въ колыбель.

Серчаетъ Казаринка:

— Жена моя непослушная!.. Супротивъ воли моей становишься! Ужъ ты мнѣ совсѣмъ опостылѣла.

И беретъ онъ со стѣны реманную плетъ „дурака“, волочитъ жену за косы, бьетъ не щадя.

— Дуракомъ вожу, отъ дурости отваживаю. Была ты зарей, стала гадюкою. Какъ вобью въ крѣпкій гробъ, авось снова полюбишься. Не ходи! Не сиди! Не молчи! Не разговаривай!

VI.

Уходитъ Казаринка въ Москву, встрѣчаетъ Ивашку Щеголя:

— Ладно ли кречеть полетываетъ?

Отвѣчаетъ Ивашка:

— Отосланъ „Сафатъ“ съ окаяннымъ нѣмчиномъ въ пноземщину, а за кречета „Еруслана“ съ горба молодецкаго—три не три, а двѣ шкуры спущено. Отлетѣлъ кречеть певѣтъ куда. Пойди поищи—не слетитъ ли къ твоему вабленю.

И пошелъ Казаринка искать „Еруслана“ кречета, за всѣ заставы заглядывалъ, въ рощахъ носивистывалъ. Воротился въ Москву, видитъ—сидитъ кречеть на тынѣ, востричь когти, чистить клювъ, крыльями похлопываетъ. Сталь его помытчикъ зазывать:

— Кречеть мой, кречеть „Ерусланъ“! Полеталъ еси по поднебесью, поря и честь знать.

Полетѣлъ кречеть за тынъ, сѣлъ на яблонѣ. Перелѣтъ помытчикъ черезъ тынъ; качается въ саду на качеляхъ младая боярышня: очи—будто двѣ звѣзды, сарафанъ—ало-шелковый, а по немъ расшиты золотыя птицы, лазоревыя цвѣты. Какъ завидѣла боярышня добраго молодца предъ собой, прикрылась широкимъ рукавомъ:

— Ты ли—суженый-ряженный мой?

— Я и есть!—сказалъ помытчикъ.

Пуще жизни младая боярышня ему полюбилась. Обнялъ онъ ее, облобызалъ въ уста. Крикнулъ кречеть съ яблони, пропалъ. На тотъ крикъ сбѣжалась домочадцы, схватили Казаринку, окрутали руки ему, повели къ боярину на судъ.

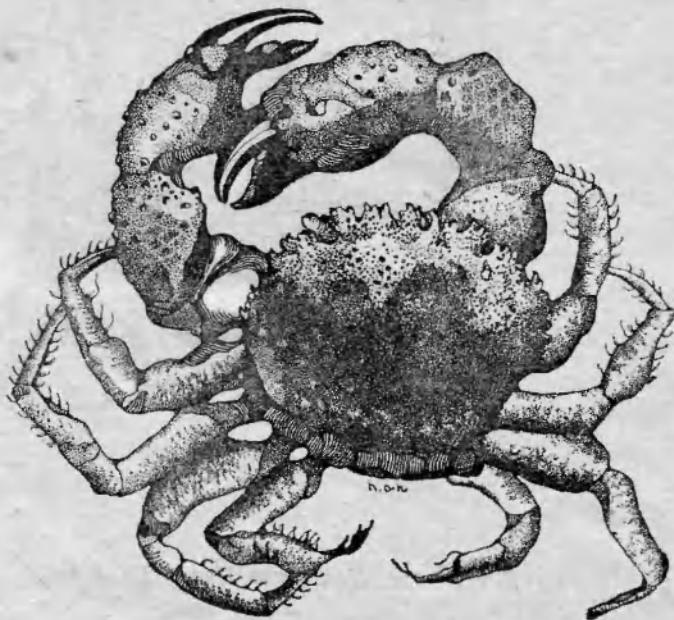
— Что въ саду моемъ, смердь, нашаривалъ?

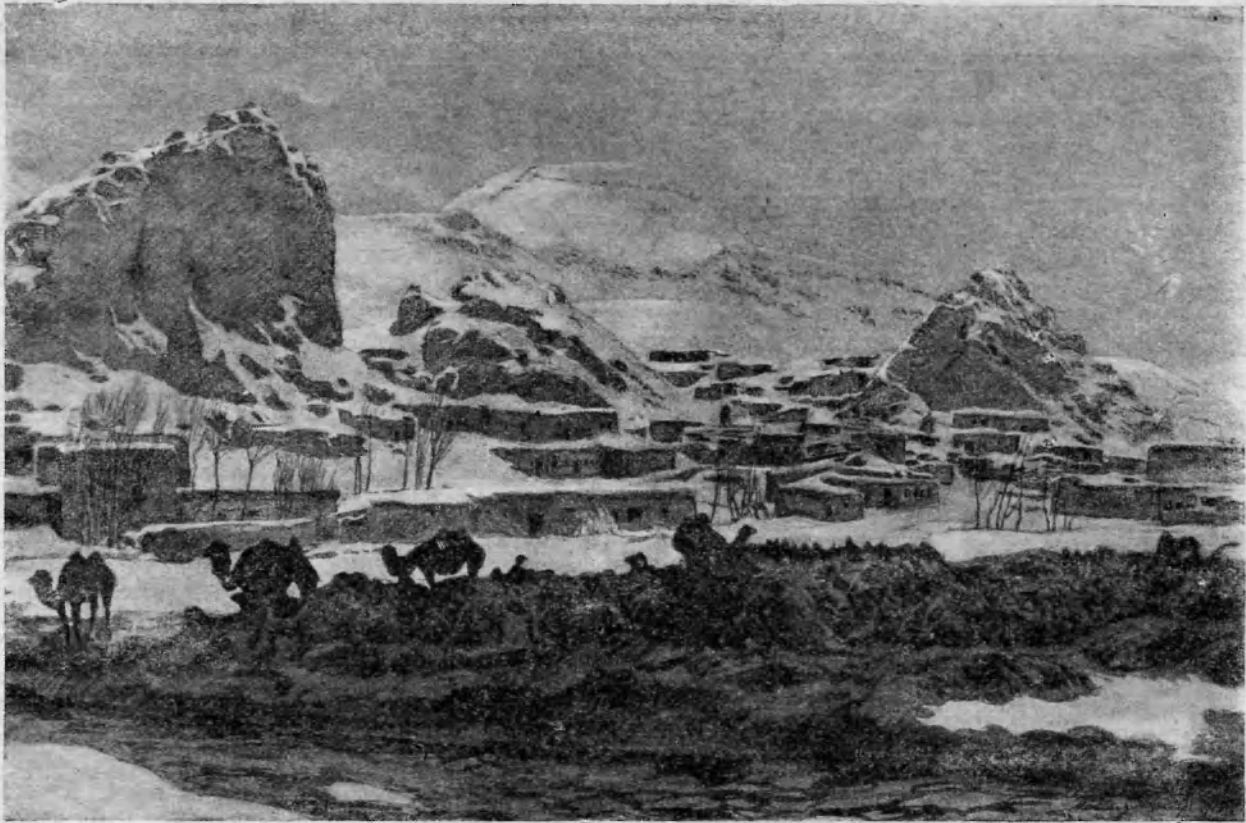
— Залетнаго кречета.

— А съ павою встрѣтился?!

Повелѣлъ бояринъ отрубить помытчику голову да воткнуть ее па высокии коль, его же поставить подъ окномъ дочери. И омыли дожди мертвую голову, солнце высушило, вѣтры обвѣяли: не вернулся Казаринка къ чернобровой опостылѣвшей женѣ.

Б. Верхоустиинскій.

Е. Лансере. Караванъ верблюдовъ, отбитыхъ у турокъ.

ГЕОРГІЙ ЧУЛКОВЪ.

ОПРАВДАНИЕ СИМВОЛИЗМА.

II. О критикахъ символизма и объ отвѣтственности поэта.

Символизмъ какъ міроотношеніе такъ же древень, какъ міровая культура, но несмотря на свои почтенный возрастъ, а, можетъ быть, именно поэтому, „новые люди“ нерѣдко подвергаютъ сомнѣнію его значительность и цѣнность. Такъ и въ современности нѣмало пытались поколебать его основанія.

Эта критика любопытна въ нѣкоторомъ отношеніи.

Начнемъ съ позитивной эстетики. Возраженія противъ символизма съ этой стороны основаны обыкновенно на совершенномъ непризнаніи принципиальныхъ предпосылокъ символизма какъ міросозерцанія. Человѣкъ, увѣренный въ томъ, что переживанія наипп постольку реальны, поскольку они находятся въ зависимости отъ внѣшняго міра, не можетъ, разумѣется, признать правды символизма. Для такого человѣка деубѣдительно вовсе даже такая осторожная аргументація въ пользу мистическаго опыта, какую мы находимъ у Джемса. Въ прекрасномъ нѣтъ тайны—вотъ мысль позитивной эстетики. Сознательно или бессознательно, но всякая позитивная эстетика опирается на опредѣленіе прекраснаго, предложенное Гюйо: „Прекрасное—это воспріятіе или дѣйствіе, которое пробуждаетъ въ насъ жизнь... и кото-

рое производитъ удовольствіе путемъ быстрого сознанія этого общаго пробужденія“ и т. д. Или, его же словами: „Такъ какъ пріятное состоитъ въ сознаніи легкой, безпрепятственной жизни, то въ ней собственно мы находимъ и истинный принципъ прекраснаго“.

Въ планѣ подобныхъ разсужденій едва ли возможно найти границу, отдѣляющую искусство отъ ненаскуства. И сами позитивисты признають это, утверждая, что „полная и мощная жизнь уже сама по себѣ эстетична“. Теоретическій споръ не можетъ имѣть мѣста при столь различныхъ гносеологическихъ предпосылкахъ, но здѣсь возможна нѣкоторая критика, такъ сказать, прагматическаго порядка. А именно, не очевидно ли, что такой упрощенный взглядъ на искусство умаляетъ его значительность, свзводя творчество до простой комбинаціи ума, чувства и воли? Не очевидно ли, что при такомъ пониманіи искусства личность теряетъ безмѣрные богатства своего внутренняго опыта? Объ этой эстетикѣ можно было бы не говорить вовсе, если бы въ современности нѣкоторые дѣятели искусства не заявили о себѣ, какъ о людяхъ новой художественной практики, не отвѣчающей принципамъ символизма,—я говорю объ акмеизмѣ. Приходится возвращаться къ старымъ натуралистическимъ пред-

ставленіямъ объ искусствѣ, потому что, хотѣть или не хотѣть того акмеисты, имъ все равно не удастся провести точную межу, отдѣляющую ихъ ниву отъ полей традиціоннаго внѣшняго реализма: принципъ акмеистической школы—повышенная жизнедѣятельность, какъ содержаніе и какъ цѣль искусства, совпадаетъ рѣшительно съ идеей Гюйо о легкой, полной и мощной жизни, которая и есть искомое прекрасное.

Что касается акмеистической критики символизма, то она сводится къ одному существенному упрёку. Символизмъ обезцѣнилъ этотъ внѣшній міръ, сдѣлалъ его прозрачнымъ и, стало быть, —заключаютъ акмеисты,—пустымъ. Въ самомъ дѣлѣ эти замѣчанія, на первый взглядъ, не лишены нѣкоторой психологической правды. Въ самомъ дѣлѣ въ символизмѣ чувствуется такой уклонъ, такое опасное стремленіе превратить міръ въ марево, въ какое-то субъективное видѣніе, лишенное плоти и крови, въ нѣчто нереальное и неживое. Если паоосъ иллюзионизма, лишенный вовсе реальныхъ основаній, въ самомъ дѣлѣ можно было бы отождествитъ съ истиннымъ символическимъ искусствомъ, а не съ ересью въ символизмѣ, то я готовъ признать въ извѣстной мѣрѣ правду акмеизма. Нѣтъ, земля реальна и жива, и поэтъ, какъ таковой, какъ мастеръ, какъ художникъ, долженъ быть напвнымъ реалистомъ или даже материалистомъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ называетъ себя материалистомъ князь Мышкинъ у Достоевскаго. Но при этомъ Достоевскій улыбается загадочно. Вотъ этой загадочной улыбкѣ—увъ!—нѣтъ у акмеизма. А безъ этой улыбки исчезаетъ вся глубина и мудрость такой неожиданной защиты материализма.

Міроотношеніе символиста опредѣляется диалектически въ такой условноі схемѣ: тезисъ — міръ прекрасенъ, и я принимаю міръ, какъ наивный реалистъ; антитезисъ—міръ ужасенъ, и всё цѣнности этого міра—мнимыя цѣнности, и я не принимаю міра, и наконецъ синтезъ—міръ по иному прекрасенъ и цѣнности его востину реальны, потому что онѣ суть символы, т. е. каждая изъ нихъ начинаетъ собою цѣлый рядъ новыхъ и новыхъ цѣнностей, приводящихъ человѣка къ абсолютной цѣнности.

Роза, которую будто бы такъ грубо растоптали символисты, вовсе не погибла. Напротивъ, въ глазахъ символиста она стала безмѣрно благоуханнѣе и чудеснѣе. Путь символиста таковъ. Человѣкъ, усомнившійся въ реальности этого міра, неизбежно переоцѣниваетъ всё данныя цѣнности. Отказаться отъ этой переоцѣнки мы, люди XX вѣка, не можемъ—по крайней мѣрѣ въ ея значительныхъ моментахъ. И вогъ символизмъ предлагаетъ не уклоняться отъ опаснаго пути, открывшагося предъ нами. Надо дойти до конца, до послѣднихъ безднъ. Надо заглянуть въ мракъ небытія. Надо не побояться этого страшнаго и послѣдняго опыта. И вотъ въ этомъ предѣльномъ опытѣ есть нѣкая тайна. Тотъ, кто устрашится и побѣжитъ прочь отъ опасности, тотъ, кто не рѣшится заглянуть въ бездну, тому одинъ путь—акмеизмъ. Акмеизмъ—это страхъ предъ задачами, которыя ставятъ себѣ символизмъ, болѣе того—это страхъ смерти. Но путь символиста—это путь дерзанія до конца. Міръ, который разрушился на его глазахъ, исчезъ, какъ дымъ, неожиданно возстаетъ изъ мертвыхъ въ небывалой и дивной красотѣ. Символизмъ—вовсе не спиритуалистиченъ. Напротивъ, лишь въ символизмѣ мы находимъ глубокую любовь къ плоти, къ е мль, къ человѣку. И это понятно, потому что лишь въ символическомъ міропониманіи и камень, и лилія, и цикада—все живетъ и дышитъ, и поетъ великую осанну. Не случайно символизмъ Достоевскій заклиналъ насъ любить землю.

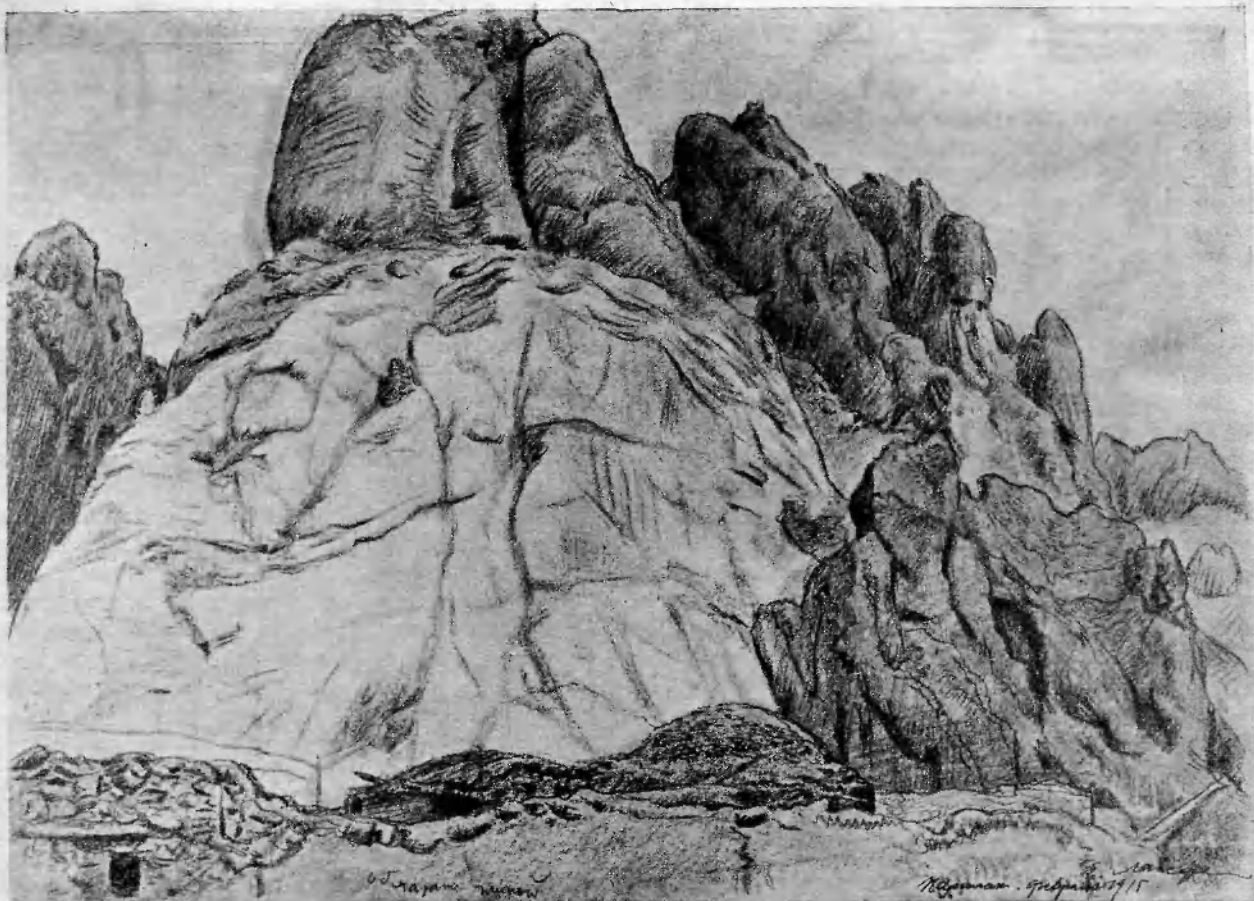
„Онъ цѣловалъ ее, плача и рыдая... и изступленно клялся любить ее, любить ее вѣвкѣ вѣковъ“... „О чемъ плакалъ онъ? Онъ плакалъ въ восторгѣ своемъ объ этихъ звѣздахъ, которыя сияли ему изъ бездны, и не стыдился изступленія своего“. Какъ будто нити ото всѣхъ этихъ безчисленныхъ міровъ сошлись разомъ въ душѣ его, и „она вся трепетала, соприкасаяся мірамъ инымъ“. Алеша Карамазовъ заглянулъ въ лицо смерти и не испугался ея—вотъ почему засіяла для него новая жизнь—востину *vita piuva*. Вотъ почему тема символизма связана съ темою смерти. Тайна смерти—путь къ символическому постиженію міра. „То, что ты сѣешь, не оживетъ, если не умреть“. Это—голосъ новаго завѣта. Что это значить? Нѣтъ ли страннаго безумія въ этой заповѣди? Если ты хочешь жить, умри. Неужели такъ надо понимать этотъ таинственный отвѣтъ? И апостолъ, дабы не было сомнѣній, свидѣтельствуетъ: „я каждый день умираю“.

Мы всё это предчувствуемъ, всё смутно догадываемся, что тайна смерти именно въ этихъ антиноміяхъ. Но художникъ не только предугадываетъ это, по и знаетъ тайну смерти, какъ реальный опытъ. Въ этомъ опытѣ власть и чары художника. Художникъ вступаетъ въ подземный міръ, какъ Лазарь, и потомъ снова возвращается на землю. И, чѣмъ рѣшительнѣе онъ вступалъ въ кругъ мертвыхъ, тѣмъ болѣе онъ хранитъ память о нихъ здѣсь, на землѣ. Все мѣняется вокругъ художника. Съ какимъ напряженнымъ вниманіемъ, съ какимъ трепетомъ смотритъ онъ на двѣты, на море, на юношей и дѣвушекъ—все это, весь многострунный міръ приобрѣтаетъ особенную для него значительность, глубину и таинственность, потому что все въ немъ переживаетъ художникъ предсмертно.

Разсмотримъ теперь другое направленіе, враждебное символизму. Я говорю о футуризмѣ. Но странной случайности три совершенно различныхъ литературныхъ теченія окрестили себя футуризмомъ. Я говорю объ итальянскомъ футуризмѣ Маринетти, во-первыхъ,—о мнимомъ футуризмѣ нашихъ русскихъ новѣйшихъ декадентовъ и наконецъ о своеобразной группѣ такъ называемыхъ кубо-футуристовъ или Гилея.

Что такое итальянскій футуризмъ? Едва ли можно удовлетвориться истолкованіемъ этого движения, какъ реакціи противъ музейнаго искусства старой Итали и противъ шаблона мертвой традиціи, которая задушила въ самомъ дѣлѣ все даровитое въ новомъ итальянскомъ искусствѣ. Я думаю, что слѣдуетъ искать въ западно-европейскомъ футуризмѣ болѣе широкихъ основаній: фабрикантъ Маринетти поетъ и славить дорогую ему буржуазную культуру съ ея механическимъ прогрессомъ. Футуризмъ—мнимая революція. И въ живописи, и въ литературѣ онъ мечтаетъ лишь объ одномъ—механизации жизни. Автомобиль и аэропланъ—вотъ тема не только въ смыслѣ сюжета, но и какъ паоосъ жизни.

Однимъ словомъ, единая красота это—*la beauté de la vitesse*. Такова псевродинамическая эстетика футуризма. Если тотъ же механический прогрессъ пѣли поэты и до футуризма, хотя бы напвмѣръ Верхарнъ или Жюль Ромэнъ, то эти пѣсни звучали нѣсколько меланхолически. Маринетти поетъ объ этомъ иначе. Маринетти уже нѣтъ дѣла до личности и человѣка. Ему нужна лишь его собственная относительная жизнь, а чтобы не было сомнѣній въ своемъ правѣ на существованіе, есть одно вѣрное средство—„красота быстроты“. Надо мчаться впередъ безъ оглядки и безъ размысленій. Позитивизмъ, какъ естественная философія буржуазии, и нигилизмъ, какъ ея психологія, нашли своего достойнаго завершителя въ эстетикѣ футуризма.

В. Лансере. Нариманъ (пограничное селеніе).

Враждебность этого направления символизму очевидна. Еще бы! Переоценка ценностей, более глубокая, чем переоценка музейных сокровищ, едва ли придется по вкусу Маринетти, который вряд ли склонен к последним опасным опытам. Есть одна тема, которая никак не укладывается в рамки механистического миропонимания, эта тема — любовь. Тогда нужно уничтожить эту тему — вот и все. Поэтому Маринетти предлагает своим последователям избегать любви в поэзии и в жизни. И как желанный компромисс рекомендует проституцию и разврат. В недавно вышедшей книжке один из представителей русского мнимаго футуризма, кстати сказать, совершенно совпадающего с эго-футуризмом, пытается обосновать и свою эстетику. А именно он утверждает, что традиционный реализм выдвигал содержание в ущерб формам, символизм оправдал форму, как нечто равное содержанию, а футуризм защищает преобладание формы над содержанием.

Не трудно заметить, что это — буквальное повторение того, что всегда и во все времена говорили декаденты. Но, так как с идеологией декадентства в этом смысле счеты покончены, я не стану приводить здесь уже известной аргументации.

Теперь несколько слов о группе Гилея или кубо-футуристов. Я приведу их афоризмы, основная идея которых сводится к тому, что художники истинные не становятся богами, как думали пророки и мудрецы, а уже суть боги. В самом деле развѣ утверждение, что они стали „видѣть міръ насквозь“, что они „стали видѣть здѣсь и тамъ“, что „иррациональное (заумное) имъ такъ же непосредственно дано,

какъ и умное“, — развѣ такія свойства не свидѣтельствуютъ о божественной сущности? Но если они претендуютъ на то, чтобы видѣть міръ насквозь, мы, въ свою очередь, готовы утверждать, что видимъ насквозь этихъ поэтовъ, торопливо претендующихъ на божественность. И, рассматривая ихъ, мы убѣждаемся, что они впали въ заблужденіе.

„Идея символизма, — говоритъ одинъ изъ теоретиковъ Гилея, — необходимо предполагаетъ ограниченность творца и истину — спрятанной гдѣ-то у какого-то честнаго дяди“. Едва ли сущность символизма выражена здѣсь съ достаточной точностью. Символисты всегда утверждали приматъ мистической интуиціи надъ разсудочнымъ познаниемъ міра. Но доля истины есть въ приведенномъ выше афоризмѣ. Именно символизмъ никогда не претендовалъ на безусловное и абсолютное постиженіе міра. Поэты, какъ и люди вообще, боги въ возможности, а если они утверждаютъ себя богами съ поспѣшностью чрезырнѣющей, они рискуютъ попасть въ положеніе не людей, а существъ низшаго порядка, на примѣръ мелкихъ бѣсовъ, болѣе смѣшныхъ, чѣмъ величественныхъ.

Что касается положительныхъ утверженій, то теоретикъ кубо-футуризма открываетъ въ сущности только одну истину, едва ли болѣе ценную, чѣмъ открытіе въ наши дни Америки. Слово шире смысла — вотъ и вся эстетика Гилея.

Но, какъ ни слабы ихъ теоретическія выступленія, психологически эти люди вовсе не безразличны. Ихъ ненависть къ живому и личному началу въ мірѣ не случайна. И есть нѣчто знаменательное въ ихъ презрѣніи къ вѣчно-женственному. По ихъ выраженію, „любка дѣлается мистическою“. Но такъ не должно быть. „Рѣчетворцы слишкомъ много раз-

Зирались въ человѣческой душѣ. Психея умерла“. Вотъ мысль кубо-футуристовъ. Въ этихъ утвержденіяхъ есть, разумеется, совпаденіе съ идеями итальянскихъ футуристовъ, но тонъ этихъ идей тамъ совсѣмъ иной. У Маринетти все это звучитъ самодовольно и легкомысленно. У нашихъ русскихъ, напротивъ, все это сказано очень мрачно, тяжело и неуклюже. На Западѣ футуризмъ совпадаетъ съ нигилизмомъ. Отрицая эстетику кубо-футуристовъ, какъ необоснованную и внутренне пустую, нельзя не признать однако дарованіе нѣкоторыхъ представителей этой группы, а въ самомъ появленіи этихъ людей возможно видѣть опредѣленный символъ. Повидимому, отгеграя на словахъ символъ, иные кубо-футуристы не могутъ хотя бы смутно не чувствовать его тайны. Такъ напримѣръ, въ предисловіи къ произведеніямъ покойной поэтессы Елены Гуро, эти люди говорятъ: „Вся она, можетъ быть,—знакъ. Знакъ, что приблизилось время“.

Появленіе такихъ поэтовъ, какъ поэты Гилей, въ самомъ дѣлѣ есть особый знакъ, особый символъ, и съ этимъ надо считаться. Это—знакъ культурнаго распада, ущерба и нравственной усталости.

Вотъ истина, которую надо противопоставить самодовольнымъ утвержденіямъ футуризма. Понять значеніе этой истины возможно, если мы согласимся признать, что есть культура мертвая и есть культура живая. Механической прогрессъ со всѣми его моторами и пушками, аэропланами и дредноутами не перевѣситъ простой народной пѣсни. Истинный художникъ—въ непрестанной борьбѣ съ механическимъ началомъ жизни. Какая бы ни развилась быстрота въ процессѣ социальнаго обмена, по существу механика есть сама косность, есть именно та система необходимости, которая поработачиваетъ человѣка. Принять этотъ механической процессъ, не переоцѣнивая его, это значитъ отказаться отъ самыхъ существенныхъ, отъ царственныхъ прерогативъ художника. И футуристы послѣдовательны, когда они, уничтожая жизнь, предлагаютъ каждой Элоизѣ раздѣлить участь Абеяра. Предѣльный развратъ упирается въ концѣ концовъ въ свою противоположность—скубчество.

Машина измолотила душу человѣческую, оскотила его сердце, и человѣкъ, потерявшій право на возможность любить, сталъ бормотать безстыдные и кощунственные слова о тайнѣ вѣчноженственнаго.

Каждому художественному произведенію соответствуетъ извѣстная стадія любовныхъ переживаній. Вотъ въ какомъ смыслѣ возможно и должно говорить о значительности или незначительности содержанія даннаго эстетическаго феномена. Художникъ можетъ совершенно точно и выразительно запечатлѣть въ своемъ произведеніи извѣстныя переживанія, но если мы увидимъ, что за нимъ таится не высокая любовь, а жалкая и темная похотливость, мы признаемъ данное произведеніе незначительнымъ. Но, съ другой стороны, какъ бы высока ни была любовь художника, мы конечно не ставемъ даже интересоваться ею, если форма его произведенія несовершенна и невыразительна.

Въ связи съ этою темою возникаетъ еще одинъ вопросъ—вопросъ объ отвѣтственности художника. Художникъ свободенъ отъ какихъ бы то ни было нравственныхъ обязательствъ. Но есть отвѣтственность иного порядка. Плотинъ учитъ, что надо самому сдѣлаться боговиднымъ, чтобы узрѣть боговъ и красоту. Это значитъ, что художникъ несетъ отвѣтственность, но уже не въ категорияхъ нашей человѣческой морали. Итакъ, искусство не служитъ никакой внѣшней цѣли—ни утилитарной, ни моральной, ни научной—и тѣмъ не менѣе на художникѣ лежитъ отвѣтственность предъ самимъ собою, какъ предъ становящимся богомъ.

Но чувствуетъ ли современный художникъ отвѣтственность?

Тема объ отвѣтственности художника неразрывно связана съ вопросомъ объ отношеніи художника къ общественности.

Правда, идея искусства для искусства подъ разными масками возникаетъ въ современности, и, принявъ эту идею, мы даже не можемъ допустить самой постановки этихъ вопросовъ, но символизмъ, утверждающій себя какъ путь, ведущій личность въ міръ высшихъ цѣлей, совмѣстимъ съ этими вопросами,—и болѣе того, игнорируя эти вопросы, мы удалимся отъ правды „дѣльнаго знанія“, внѣ котораго для личности спасенія нѣтъ.

Противорѣчія, которыя, на первый взглядъ, возникаютъ при положительномъ утвержденіи идеи отвѣтственности, въ планѣ художественнаго творчества въ концѣ концовъ должны быть оправданы. Завѣты Пушкина: „ты—царь, живи одинъ“ и, съ другой стороны, „глаголомъ жги сердца людей“ суть вѣчныя антитемы единой истины о поэтѣ. Страхиться этихъ антитемы не слѣдуетъ, потому что всякая истинная эстетическаго порядка, подобно истинѣ религиозной, есть антитема. Христосъ пришелъ не судить міръ, но спасти міръ, по слову Іоанна (гл. 12, ст. 47) и, по другому изреченію того же евангелиста: Онъ на судъ пришелъ въ міръ сей. (9 гл., 39 ст.). Такъ и художникъ приходитъ въ міръ для двухъ противоположныхъ цѣлей, однако примиряющихся въ той высшей сферѣ, гдѣ истина, антитемичная для нашего сознанія, перестаетъ быть таковою и утверждается, какъ абсолютная.

Итакъ, ни въ акмеизмѣ, ни въ футуризмѣ нѣтъ вовсе ни обоснованной эстетики, ни значительнаго и положительнаго творчества, поскольку новые поэты удаляются отъ символизма, и, значитъ, съ этой стороны не приходится говорить о возрожденіи и пробужденіи. Но, какъ явленія жизни, дерзкие крики футуристовъ и отреченія отъ символизма акмеистовъ достойны вниманія.

Въ чемъ же смыслъ и значеніе этихъ явленій? Я думаю, что футуризмъ, вызывающій такое явное негодованіе въ нашемъ обществѣ, въ существѣ своемъ вовсе не противорѣчитъ традиционному, господствующему въ извѣстныхъ кругахъ нашей интеллигенціи механическому или энергетическому представленію о мірѣ. Футуристы сказали громко то, чего не рѣшаются высказать до конца строители нашей механической цивилизаціи. „Нѣтъ Мировой Души, и вселенная—огромная машина“. „Мы ни во что не вѣримъ, и вообще никто не смѣетъ говорить объ отвѣтственности художника“.

Такова мысль футуристовъ, и было бы крайнимъ лицемеріемъ утверждать, что эту мысль возможно опровергнуть, не отказываясь отъ представленія о мірѣ, какъ о началѣ безличномъ и бездушномъ.

Съ другой стороны, болѣе невинный, но не менѣе плоскій оптимизмъ нашихъ акмеистовъ является естественнымъ результатомъ того же мировоззрѣнія, которое опредѣляется прежде всего принятіемъ міра безъ его переоцѣнки.

Мы въ ужасѣ отъ нелѣпыхъ масокъ, которыя возникли предъ нами, мы въ ужасѣ отъ легкомысленныхъ и кощунственныхъ опытовъ надъ словомъ и надъ душою человѣка, которые занимаютъ умы извѣстной части нашей молодежи, мы въ ужасѣ наконецъ отъ этого циничнаго увѣренія, что аэропланы и автомобили—истинная и послѣдняя цѣнность, а Психея умерла, ея нѣтъ, и она не воскреснетъ будто бы никогда.

Но кто же убилъ эту Психею—ту, которую нѣлъ Данте,

Е. Лансере. Старикъ турокъ-мулла.

Сервантесъ, Шекспиръ, Гете, Новалисъ, Лермонтовъ и Тютчевъ? Неужели эти юноши, футуристы и акменсты, ее убили?

Едва ли. И если Психея умерла въ нашемъ сознаниі, то въ этомъ виноваты не столько эти юноши, сколько всѣ мы, наше общество, принявшее покорно слѣпое и мертвое воззрѣніе на міръ.

Наше общество повинно въ ея смерти, и въ тѣ дни, когда символисты твердили увѣренно, что Психея жива и что Беатриче въ самомъ дѣлѣ торжествуетъ въ золотомъ небѣ рай, почти всѣ смѣялись надъ этою вѣрою, не подозревая, что придетъ другое поколѣніе, и эти „всѣ“ сами ужаснутся подновленнаго нигилизма, безстыднаго въ своемъ отрицаніи и неба, и тайны.

Въ современной литературѣ мы, какъ въ зеркалѣ, уви дѣли свое собственное лицо и ужаснулись, не узнавъ его. Незримыми нитями связана литература наша съ общественностью. Въ общественной или въ дурной общественной человѣкъ задыхается и погибаетъ, какъ рыба на берегу. И, если мы не очнемся и не проснемся для жизни новой, намъ грозитъ гибель и позоръ. Мы переживаемъ теперь дни великихъ испытаний. Въ глубинѣ наци уже идетъ работа для нашего освобожденія и возрожденія. Надо вѣрить, что она будетъ реальной и мудрой, если мы увидимъ наконецъ лицъ Психей и не устыдимся своего праваго восторга.

„Боже, избави меня быть пророкомъ,—говоритъ ибсе-новскій Ульфгеймъ.—Но развѣ вы не видите, что надъ головами у насъ собирается буря? Не слышите, какъ насвистываетъ?“

И мы, какъ Рубекъ, должны отвѣтить ему. Это—прелюдія ко дню возстанія изъ мертвыхъ.

Символистамъ не разъ бросали упрекъ въ равнодуші къ общественности. И этотъ упрекъ имѣетъ основаніе, когда жало его обращено противъ декадентства. Но символизмъ какъ міротношеніе вовсе не совпадаетъ съ декадентствомъ. Напротивъ, истинная, а не мнимая общественность—та общественность, которая, соединяя человѣка съ человѣкомъ, не умаляетъ однако личности, какъ таковой, такая общественность не можетъ найти себѣ воплощеніе въ путяхъ символизма.

По отношенію къ общественности въ сердцѣ поэта и „нѣтъ“ и „да“ звучатъ одновременно, не нарушая желаннаго

равновѣсія между религиознымъ сознаниемъ его и непосредственнымъ поэтическимъ постиженіемъ міра. Вотъ почему поэтъ имѣетъ право сказать, что „его душа готова, какъ Марія, къ ногамъ Христа навѣкъ прильнуть“.

Поэтъ служить общественности, но это не значитъ, что онъ служить виѣшнимъ и невысокимъ ея проявленіямъ. Напрасно мы стали бы навязывать поэту заботы о повседневности. Онъ, какъ въ „Аріонѣ“ Пушкинъ, поетъ отважнымъ пловцамъ, и во время бури онъ можетъ погибнуть, но можетъ и спасенъ, выброшенный случайно на берегъ, и пѣть опять свои гимны; но неразумно сажать поэта за весла.

Поэтъ служить міру, но въ иномъ смыслѣ.

И въ самомъ дѣлѣ, если мы не желаемъ унижить поэзію до цѣлей утилитарныхъ и въ то же время понимаемъ высокую задачу художника, какъ служеніе общественности, мы должны повѣрнуть въ пророческую миссію поэта.

И даже Пушкинъ, вѣрный любовникъ земли и вѣрное эхо жизни, именно такъ понималъ высшую послѣднюю задачу художника. Его „Пророкъ“, стихотвореніе, единодушно истолкованное и Мицкевичемъ, и Вл. Соловьевымъ, какъ символическое, раскрываетъ съ дивною ясностью тайну служенія поэта. Возможно ли принять пророческій даръ, какъ нѣчто значительное и жизненное, если мы отвергнемъ тотъ внутренний опытъ, который утверждаютъ символисты!

Вѣдь этотъ опытъ приобретается цѣною предвосхищенія смерти. Вѣдь не пустая аллегорія, вѣдь не метафора только слова Пушкина: „какъ трупъ, въ пустынь я лежалъ“. И когда поэтъ-пророкъ говоритъ намъ, что вянулъ онъ неба содроганье и горнии ангеловъ полетъ, это звучитъ для насъ, какъ откровеніе и правда, и только тогда зановѣдъ, данная Богомъ поэту: „глаголомъ жи сердца людей“, имѣетъ смыслъ, тайный и мудрый.

Наши дни, исполненные такихъ глубокихъ и трагическихъ движеній внутри націи и требующіе отъ насъ рѣшительнаго и сознательнаго отношенія къ мировымъ событіямъ, ставятъ предъ поэтомъ огромную и отвѣтственную задачу. Такого испытанія не выдержитъ ни акмензмъ, ни футуризмъ, ни виѣшний реализмъ. Только символическое міротношеніе позволяетъ намъ разгадать тайный смыслъ событій и достойно встрѣтить будущее Россіи.

Георгій Чулковъ.

Г. Верейскій. За городомъ.

* * *

Неумолимая слова...
Окаменѣла Иудея,
И, съ каждымъ мигомъ тяжелѣя,
Его поницла голова.

Стояли воины кругомъ
На стражѣ стынущаго тѣла;
Какъ вѣнчикъ, голова висѣла
На стеблѣ тонкимъ и чужомъ.

И царствовалъ и никнулъ Онъ,
Какъ лилія въ родимый омутъ,
И глубина, гдѣ стебли тонуть,
Торжествовала свой законъ.

Въ морозномъ воздухѣ растаялъ легкій дымъ,
И я, печальною свободою томимъ,
Хотѣлъ бы вознестись въ холодномъ, тихомъ гимнѣ,
Исчезнуть навсегда, но суждено идти мнѣ

По снѣжной улицѣ въ вечерній этотъ часъ.
Собачій слышенъ лай, и западъ не погасъ,
И попадаются прохожіе навстрѣчу.
Не говори со мной! Что я тебѣ отвѣчу?

Египтянинъ.

Я выстроилъ себѣ благополучья домъ,
Онъ весь изъ дерева, и ни куска гранита,
И царская его осматривала свита;
Въ немъ виноградники, цвѣтникъ и водоемъ.

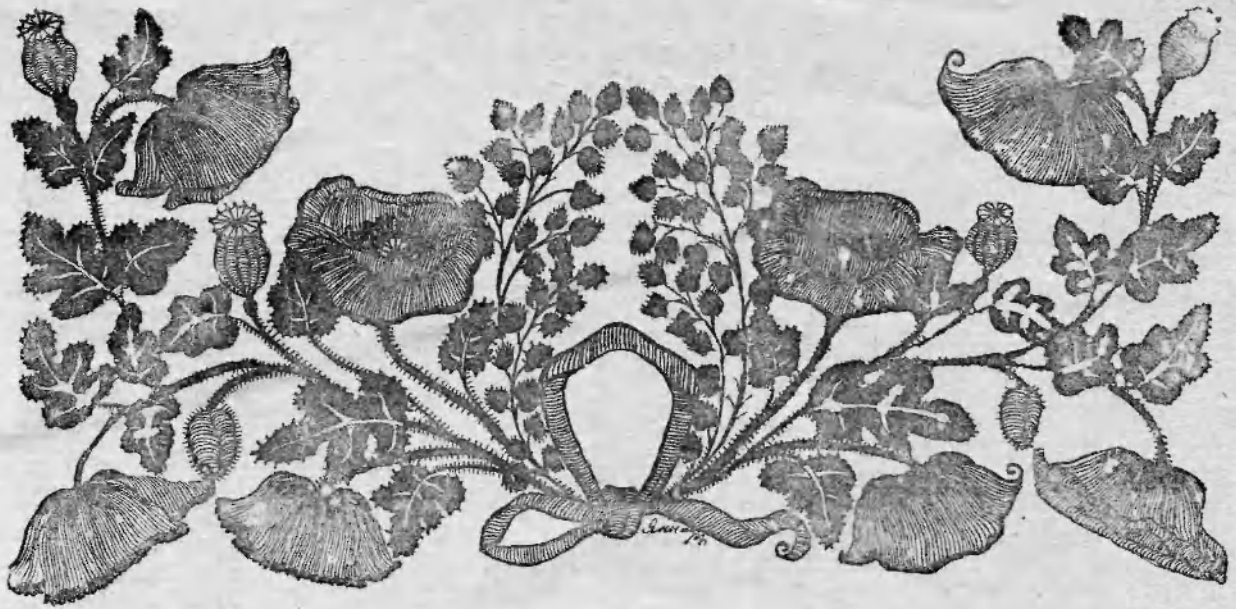
Чтобъ воздухъ проникалъ въ удобное жилье,
Я вынулъ три стѣны въ преддверьѣ легкой кѣлти,
И безошибочно я выбралъ пальмы эти
Краеугольными, прямыми, какъ копье.

Кто можетъ описать чиновника доходъ!
Безсмертны высокопоставленныя лица!
(Гдѣ управляющій? Готсва ли гробница?..)
Въ хозяйствѣ письменный я слушаю отчетъ.

Тяжелымъ жерновомъ мучнистое зерно
Приказано смолоть служанкѣ низкорослой,—
Священникамъ налогъ исправно будетъ посланъ,
Составленъ протоколъ на хлѣбъ и полотно.

Въ столовой на полу песь растянувшись легъ,
И кресло крѣпкое стоитъ на львиныхъ лапахъ.
Я жареныхъ гусей вдыхаю сладкій запахъ—
Загробныхъ радостей вещественный залогъ.

О. Мандельштамъ

МИХАИЛЬ САЗОНОВЪ.

ОТРОКЪ ХВЕДОРЪ.

АКЪ во снѣ, разметалъ посреде мягкой мшанины Важезерское озеро. Краемъ узкимъ и серебрянѣтымъ—ни дати ни взяти, плотва-рыбница

на солнцѣ—въ темный, шумливый по осени боръ вдалось.

Испоконъ вѣка зыбится озеро, пещется, рысю на Свягъ-Камень наскакиваетъ. Точить по ледоставу, рушть по ледоколу, ластятся, голубится первогодкой-молодухой по лѣту.

Озеро Важезерское угодиками Божьими испоконъ вѣка облюбвано.

Давнымъ-давно угодики по бѣлымъ каменнымъ церквямъ въ золотыхъ ракахъ упокоились. Давнымъ-давно ихъ гробы сосновые зубы человѣческіе источили,—отъ болѣзни зубной, вишь, древо пользательно. Только голоса угодинокъ, какъ и во времена стародавнія, слышатся иножды средь топкой мшанины, средь лѣсовъ заповѣдныхъ: то братцы лѣсные съ сестрицами-стариками по зорямъ, обернувшись къ румину лику Божью, радостно стихи творягъ немудрые.

А съ замохначенныхъ „царской слезой“ лѣсныхъ вершинъ вторятъ имъ птицы, которымъ голосъ данъ.

Всѣмъ любу, всѣмъ весело, глядячи на заалѣвшій ликъ Божий.

Но нѣту голоса звонче, тоньше и переливчатѣй во всей земной и воздушной округѣ, какъ у скитскаго отрока Хведора.

Недаромъ видно старецъ Акиллъ, что на камнѣ колѣнки загкорузилъ отъ долгаго стоянья, услышавъ голосъ отрока Хведора, смугился, а смутавшись поднялся и на пѣвуна взглянуть пошелъ...

Досюльнее, дониконозское „Свѣте Тихій“ пѣлъ отрокъ... Да каково же пѣлъ, п-и-пхъ!..

Молча пригнулся кругомъ старцы со старцами, умолкли звонкогорлыя птицы,—гдѣ ужъ имъ тягаться съ отрокомъ Хведоромъ?

Допѣлъ тотъ. Что паутинка кованнаго серебра, голосокъ протянулся къ вечернему небу...

Подняла брати головы, всѣ разомъ вздохнули: хорошо то хорошо хведорово пѣніе, а только духъ отъ него спираетъ... Такъ и захолонетъ въ груди, какъ онъ вытягивать зачнетъ...

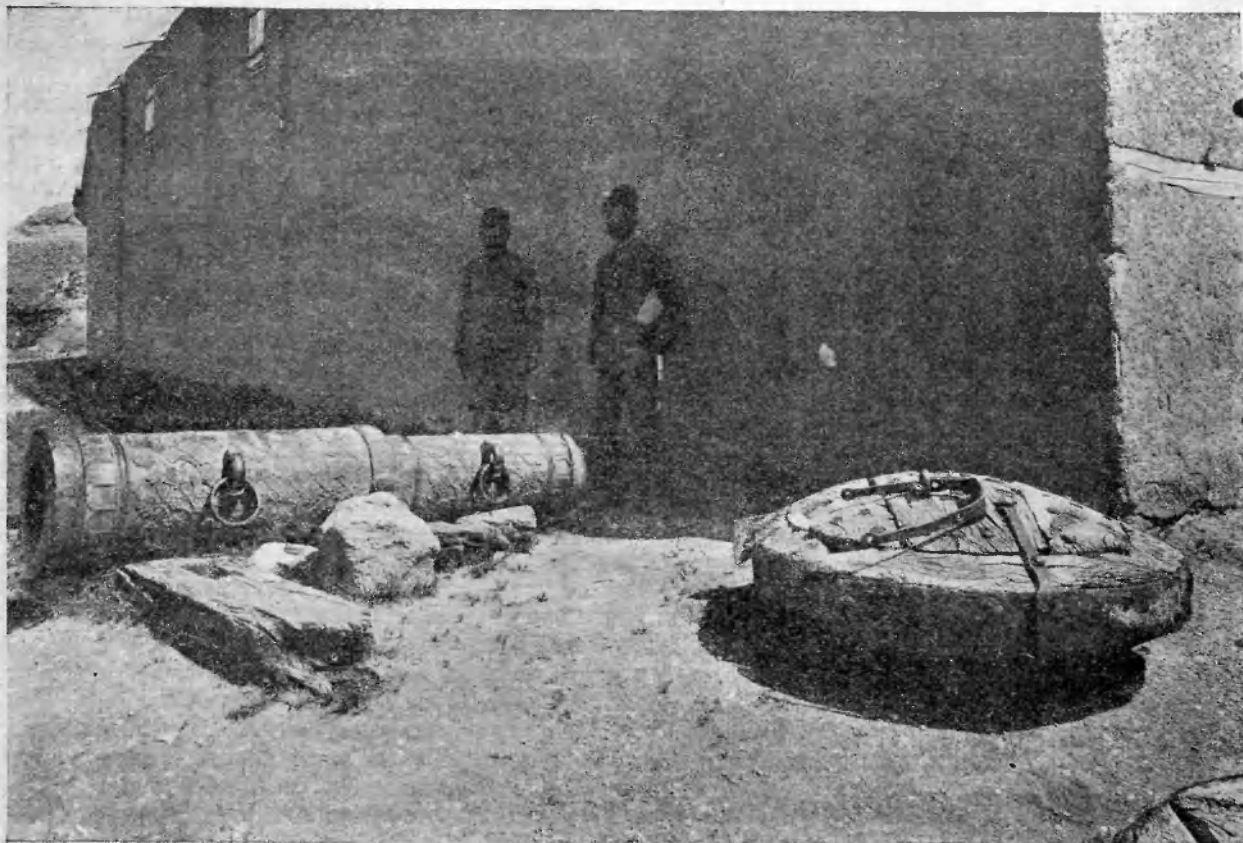
Слезы дрожать на глазахъ у брати колѣнопреклонной, а надъ головами звѣздочки, очи небесныя, мигаютъ, переливаются, на земь слезы, росу вечернюю, роняютъ.

Всѣмъ любу пѣніе отрока Хведора.

Подошелъ къ нему праведный старецъ Акиллъ, руки дрожать, слово сказать норовить и не можетъ. А Хведоръ, что окунья трава подъ Ивандень, поникъ головой, плечки подъ рубахой точиво-тканной зыбко подрагиваютъ. И боязно ему, и радостно. Радостно слезу отъ пѣсни своей видѣть у братевъ съ сестрицами, а только и боязно за искушеніе.

„На-косъ, старецъ-то съ камня вѣдъ сошелъ. О, Господи, твоя сила. Шутка, тоже сказать. А вдругъ... може лукавый въ горло сълъ да къ искушенью голосокъ, паутинку тонко-ковкую плететь“.

Всяко можетъ статья.

Старая турецкая крепость (Малая Азия).

Старая турецкая крепость (Малая Азия).

— Изыскаль Господь братію лѣсную. Къ солнцу ясному, свѣтлому, теплу благодатному радость несказанную прибавиль—голосъ твой,—какъ во снѣ слышитъ отрокъ Хведоръ старцевы слова.—Много слезъ ты утереть можешь, дитятко. Много тоски-печали людской раставитъ. Потому голосъ твой, какъ огонь отъ костра Аввакумъ-отца. Не загни ты словъ моихъ неразумныхъ. Попомни старика. Подь по бѣлу свѣту, ищи горе да тоску людскую. Недаромъ тѣ утиральникъ Богомъ данъ, ахти-и-пхъ какой!

Умолкъ старецъ. Спотыкаясь по кочкамъ, къ камню своему вернулся.

Разошлась и братія лѣсная по келейкамъ.

Шепотокъ молитвы вечерней зашуршалъ подь елями, путаясь въ цѣпкомъ малинникѣ.

Темень сверху надвинулась. Точь-въ-точь, сонная грудь дѣвчья, мѣрво и протяжно вздыхаетъ озеро. И любо ему отъ сновъ, и боязно. За дальними покосами жолна-птица, спервоначалу робѣючи, перекликаянще завела съ подружкой стародавней—ночью.

А отрокъ Хведоръ все стоитъ посередь мягкаго чернишника да куманичнаго цвѣту дурманнаго. Стоитъ, не ворохнется. Крѣпко ему въ душу запади старцевы слова:

— Подь да горе людское ищи по бѣлу свѣту. Не голосъ тѣ Господь даль, а слезамъ человѣческимъ утиральникъ.

Взбаломутилась душа отъ старцевыхъ словъ.

Научи, вразуми, Господи...

Крѣпко задумался съ той самой поры Хведоръ. Сядеть бывало на камень, ноги, что живымъ гибкой березы кольцомъ, руками обхватитъ, а взглядъ въ обнимку съ вѣтромъ надъ озеромъ несется...

Вѣтеръ—онъ приткій, вездѣ успѣетъ. Ему все дано видѣть.

И несутся—ни дать, ни взять—родные братья по свѣту Божью: туда-сюда заглянуть... тамъ-сямъ остановятся... притихнуть было, все, что надо, вывѣдаютъ, да и дальше.

А Хведоръ сидитъ не двигаясь,—вѣстей ждать.

Случится, изъ братіи лѣсной кто либо подойдетъ, за плечо его тронетъ:

— Что, Хведушка не весель? задумался о чемъ? Спѣль бы, рожно дитятко.

Подниметь Хведоръ глаза, а глаза, что у горюнь-птицы надъ разворошеннымъ гнѣздомъ, тоскливые-претоскливые:

— Братецъ, братецъ,—почнетъ онъ шепотать,—скажи ты мнѣ, гдѣ больше слезъ да горя на землѣ? гдѣ? Сосетъ вотъ у меня здѣсь... скулитъ,—а самъ глаза ажко закроеетъ, головой поматываетъ:—зоветь меня сердце... манитъ все куда-то, а куда—и самъ не знаю...

Наклонится братъ, волосы отроковы, чесаннаго льна мягче да ласковѣй, любовно перебирать зачнетъ.

— Брось-ка, Хведушка, мысли эти самыя. Смutilъ, вижу, тебя старецъ нашъ. Хошь и праведной онъ жизни чловѣкъ, а сердце у него неладное. Не отошло оно видно совѣмъ еще. Жалостливо къ міру больно. А не стоитъ того міръ-то этотъ самый, не стоитъ. Изведуть тебя въ міру. Душеньку твою голубиную грѣхомъ взбаломутятъ. Погибель ты ей уготоваешь, одно слово погибель. Не ходи. Пой здѣсь.

Головой Хведоръ мотаеть:

— Нѣтъ, братецъ. Не могу я здѣсь пѣть больше. Голосъ уже не бѣжитъ попрежнему. Здѣсь и такъ радостно. Солнышко... Птахи... Опять же взять,—жизнь ваша праведная, утѣшенья вамъ не надобно. Горя никакого. А рази можно самую большую радость съ самымъ малымъ горемъ сравнить? Ужъ коли и впрямь есть утѣшенье отъ моего пѣнія,—

пойду туда.—И, разжавъ живое, тонкихъ рукъ кольцо съ кобѣнъ, пальцемъ вдаль показываетъ:—туда, куда вѣтеръ взглядъ унесъ. Далече-предалече. Міръ-горюнь тамъ, за Важеозеромъ, за боромъ темнымъ, за угольными ямами.

Разъ больно ужъ немоту стало Хведору-отроку, думаетъ:

„Дай, пойду къ старцу, въ послѣдній разъ повыспрошу, попытаю“.

Идетъ, а самъ для видимости морочечные кукульки собираетъ въ туясокъ, траву „сухота-отлети“ кладетъ за пазуху,—пользительныя травы. А самъ исподлобья зорко поглядываетъ,—старца высматриваетъ. Видитъ,—стоитъ тотъ на камнѣ съ руками воздѣтыми.

И старецъ отрока запримѣтилъ, но молитвы не покинулъ, лишонъ взглянулъ на Хведора такъ укоризненно, будто и невдомекъ ему, почему тотъ еще въ здѣшнихъ мѣстахъ, когда міръ по утѣшеню тоскуетъ, нудится. Не забыть вовѣкъ Хведору того взгляда,—пронзительный взглядъ, что стрѣла Иды-пророка. Недаромъ старецъ провидцемъ слыль.

Быстрехонько Хведоръ вернулся въ скитъ, гусельки взялъ и не оборачиваясь отошелъ на кряжъ. На всѣ четыре стороны поклонился, землю родную поцѣловаль.

Вѣтеръ пробѣжалъ надъ головой: „Прости, Хведушко!“.

Закиваль верхушками боръ на хведово прощанье, привѣтно, что рукавомъ зеленымъ, замахали березки-притулочки, бороваы нарядницы: „Прости, Хведушко, прости!“.

Плеснулось было Важеозеро съ послѣднимъ цѣлованьемъ, да сѣръ камень никакъ не перескочитъ: „Прости, Хведушко, прости!“.

Разстались честь-честью, какъ роднымъ братьямъ полагается.

Перекрестился, зашагалъ Хведушка.

Только рубаха бѣлаго точива, что валаамская чапца, межъ деревъ трешаега...

Къ вечеру на большую дорогу-почтовикъ вышелъ...

Широкая да сѣро-пыльная, съ верстовыми столбами пологатыми, гудливыми, протянулася путь-дороженька. Источно бубенцы надсаживаются. Барнаъ, въ кибиткѣ сидючи, папирочкой попыхиваетъ, а на козлахъ ящпкъ пѣсню выводить не своимъ голосомъ: „На-а-адъ сире-е-бряной рякой... на-а-дъ златы-ы-ымъ несо-о-очкомъ... мплон суда-а-арушки сваей да все иска-а-аль сѣдочковъ...“.

Деревни раскосо-развалыя попадаются,—ни дать, ни взять—хмѣльные бабы задирчивыя. Церковки по погостамъ притулились, бѣленькія да печальныя, что твои невѣсты, женихомъ спокнутыя. А по задворкамъ, по огумникамъ, на конопляникахъ пѣсни дѣвки горланяютъ. Пѣсни невеселыя, что причитанье на родителевыхъ могилкахъ въ радунцу. А ужъ коли да пѣсня съ причетью схожа,—захлебнулась душа въ горѣ. Свои слезы пьетъ, горемычная. Распалилось сердце отрока Хведора, на околицѣ гусельки скорехонько налаживааетъ, стихъ запѣваетъ про „Адріанъ-царя изыческаго“. Смокли дѣвки-жжелеечки, въ кружокъ собрались, щеку рукой подпирючи, слушаютъ—любо имъ отроково нѣне.

— Поживи съ нами, Хведушко... помяля, красно-солнышко... Потѣши ты пѣснями,—скажутъ ему.

А онъ дѣло свое сдѣлалъ, слезу утеръ, морщину разгладилъ, тоску-печаль малость раставилъ, да и впередъ. Скулить-свербить сердце, нѣтъ, впшь, ему того, чтобъ прилѣпиться къ одному мѣсту. Горя да слезъ подавай ему Все-то ему мало. Вотъ такого бы ему горя, что въ Писаніи сказано: „Паче рѣкъ струй слезы лѣся... Трава поникше отъ горя и...“.

И пдеть да идетъ себѣ отрокъ Хведоръ. Ужъ позади скиты Выгь-рѣки, Толвуй деревня и палеостровскіе чудотворцы. Ужъ всему Заонежью знамо-вѣдомо про отрока Хведора. На пути карела да чудь бѣлоглазая раскинулись. Житишко убогое. Бабы зимой босикомъ на ламбу за водой ходять; пройдутъ,—на свѣгу слѣдь, что углемъ обведень; чтобъ мыться, того и въ заводѣ не было.

Долго жировалъ по дымнымъ пизамъ середь карелы отрокъ Хведоръ. Много слезъ утеръ. Сонъ наконецъ увидѣлъ,—стоитъ онъ подь осенней ситягой, а въ рукахъ утиральникъ, мокрымъ-мокрешенекъ. Голосъ слышитъ:

— Подь высуши, отрокъ, утиральникъ. Скоро большую слезу утирать придется.

Ранешенько всталъ Хведоръ, къ озеру Ладожскому путь отыскалъ, до валаамскихъ чудотворцевъ добрался, постъ на себя наложилъ, въ скиту „Всѣхъ Святыхъ“ у старца древняго отъ грѣховъ освобожденье получилъ, причастился. да и на материкъ. Идетъ, присматривается, зорко вглядывается,—гдѣ же будетъ наконецъ слеза „паче струй рѣчныхъ“?

Вонъ ужъ и рѣка Свирь замаячила. Монастырь Александра, угодника свирскаго. Ужъ подумывать сталъ отрокъ про видѣнье свое: „А не искушение-ль?“, какъ вдругъ повстрѣчалъ...

Гурьбой или они, мужиченки залѣсные. Восые да загорѣлые, сапоженки новымъ прутикомъ связаны, черезъ плечо перекинуты. Молча идутъ. Глаза въ землю —тяжелъ ихъ взглядъ.

Липшюнь молодка слабодушная сбоку увязалася, вѣту у бабъ передъ слезой стадобушки. Слезъ не прячетъ ихняя сестра. Сбоку впередъ забѣжить, въ глаза заглянуть, на земь сядеть, да и давай выть на весь лѣсъ, что жолна-птица:

— А на-а кого-о-о да спокидаешь ты... ра-а-спобѣдную мою да головушку?..

И нѣтъ того у мужика, чтобъ проучить бабу. Не до того. Пусть за всѣхъ выплачется, горемычная.

На войну шли мужики.

Точно что кольнуло отрока Хведора въ самое сердце. Видитъ—остановились мужиченки. Остановился и отрокъ, свернулъ съ дороги, молча „хрещенымъ“ въ поясъ поклонился, рядомъ пдеть. Чуетъ онъ сердцемъ,—словъ тутъ не надобно Нѣту еще такого слова, чтобъ душу мужицкую утихомирить, слабодушную молодку обрадовать. Не придумаи люди такого слова, хоть до всего дошли, вонъ, летаютъ съ птицами наперегонку, а вотъ слова такого не знаютъ.

Зато—гусельки...

Покосились сперва мужиченки,—не рехнулся ли парень. А Хведоръ крѣико знаетъ,—спервоначалу это только... Недаромъ старецъ съ камня сошелъ, чтобъ хведорово „Свѣте Тихій“ послушать.

А какъ про „Царь-Голубя“ спѣлъ имъ отрокъ, перестали хмуриться.

А тотъ имъ и про „Царицу Савскую“, и про „Хитрости Соломоновы“, и про „Перпетую-дѣву“...

Угомонилась молодка слабодушная, веселѣй поглядываетъ, мужиченки приободрились малость.

Ужъ даръ такой былъ данъ Хведору-отроку,—одно слово,—не стихъ, а огонь отъ костра Аввакумъ-отца.

Да вотъ такъ и до древней Ладоги дошли.

Поетъ Хведоръ, и нѣтъ ему усталости, а тѣ слушаютъ и таеъ тоска на сердцѣ... Совсѣмъ ужъ имъ легко.

Остановка выходила въ Ладогѣ.

Спервоначалу молебень „Іоанну-воину“ отслужили, самъ Хведоръ весь чинъ пропѣлъ. Горожанъ что собралось пѣвуна послушать, и-и-и! Страсть! А послѣ молебна распрощались, повеселѣвше мужиченки въ казарму пошли за амуницией, въ конецъ отошла тоска отъ сердца.

— Прощай, Хведушка.. Вѣкъ Богу заставилъ ты за себя молить. Такое, братъ, ты сдѣлалъ... такое... Духъ вернуть. Воины мы вонича, настоящіе воины.—Пальцами земли коснувшись, земно поклонились другъ дружкѣ:—прости, Хведушка, прости!“.

Одинъ ужъ съ полупутья вернулся:

— А что я тебѣ скажу, Хведушко. Шелъ бы ты на войну. Со стихомъ-то со своимъ. Ладное-бъ было дѣло.

Задумался было Хведоръ, головой ноникъ, а на душѣ такъ и переливается: „Поди... поди. Тамъ оно горе-то настоящее. Какъ въ Писаніи сказано. Тамъ... Вотъ къ чему видѣнье было. Подѣ!“.

Голову поднял Хведоръ, съ глазъ прядь чесанаго льна откинулъ—радостны глаза:

— А гдѣ война эта самая? гдѣ... Какой дороженькой пройги туда?

— А ты поспрашивай, родно дитятко, поспрашивай... А только, помани ты мое слово: не одну слезу утрешъ ты тамъ. Не одного приободришь война.

Затаплъ дыханье отрокъ Хведоръ, во весь бы голосъ крикнуть отъ радости...

А съ Ладожскаго волной соленой дохнуло. А може, и не дохнуло, може, это волна принесла и шепнула благословенье отъ валаамскихъ чудотворцевъ отроку Хведору?

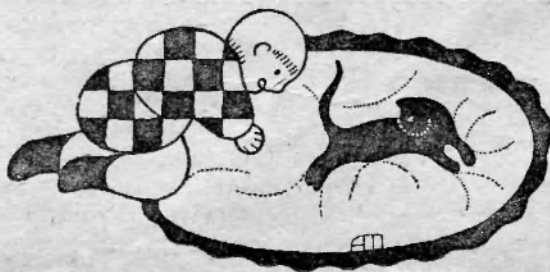
И пдеть да пдеть себѣ отрокъ Хведоръ. Солиде припекаеть, ситяга мочить, вьюга-курева, что нечистъ, крутить иножлы почнеть.

А онъ все идетъ да пдеть...

Липшюнь на ростаняхъ, на распутьяхъ поспрашиваетъ:

— А вы скажите, людюмки крещеные, которая дороженька на войну ведеть?

Михаиль Сазоновъ.

М. САНДОМИРСКИЙ.

Зоя.

Зоя—странная дѣвочка.

Утромъ она взбирается на мой колѣпъ и говоритъ мнѣ:

— Даи, я поцѣлую тебя.

Затѣмъ выпячиваетъ маленькія, тонкія холодно-розовыя губки и цѣлуетъ... одинъ разъ—долго-долго.

Поцѣловавъ спрашиваетъ:

— Гдѣ твоя трубка?

Трубка лежитъ на письменномъ столѣ; Зоя замѣтила ее и тянется къ ней.

— Подожди, Зоя, я самъ возьму ее.

Получивъ трубку, она не задумываясь беретъ ее въ ротъ и старается пустить дымъ.

Дымъ не идетъ—въ трубкѣ даже нѣтъ табака.

— Зажги ее,—проситъ Зоя.

— Пельзя!—отвѣчаю я,—ты—маленькая, тебѣ вредно!

— А ты думаешь, ты—большой?—спрашиваетъ Зоя, и глазки ея блестятъ возмущеніемъ.—А кто вчера стаканъ разбилъ?... Ты! На улицу выходишь—галопи забываешь надѣть. Мама тебѣ уже не разъ говорила, что ей съ тобою больше возни, чѣмъ со мной.

— Мама шутила!—говорю я.

— Нѣтъ, не шутила, она даже плакала пзъ-за тебя.

Разговоръ становится для меня нежелательнымъ, и я говорю Зоѣ:

— Теперь мнѣ нужно заниматься. Приходи послѣ обѣда.

— А что ты будешь дѣлать?—спрашиваетъ Зоя:—опять стихи писать?

— Опять!

— А про меня напишешь?

— Попробую!

— Нѣтъ, ты напиши навѣрное,—говоритъ она,—а вечеромъ я приду ихъ послушать.

Это уже послѣ обѣда, послѣ вечерняго чая, въ девятomъ часу.

Зоя уложила въ постельку, и я слышу, какъ она кричитъ изъ своей комнаты:

— Мама, скажи ему, чтобы онъ пригелъ ко мнѣ!

Я вхожу въ ея комнату; на окнѣ горитъ тихи мутно-зеленыи ночникъ.

Зоя въ постелькѣ, укуталась до подбородка одѣяломъ, и только ножки ея шаловливо торчатъ изъ-подъ него.

— Я здѣсь!—говоритъ она тоненькимъ, взгмливымъ голоскомъ,—я здѣсь!

Я сажусь возлѣ нея.

— Расскажи мнѣ такую сказку, чтобы я ночью сладкіе сны видѣла.

— А ты подушку пониже опусти,—совѣтую я,—вотъ и увидишь сладкіе сны.

— А такъ пельзя?

— Такъ тебя всю ночь сны пугать будутъ.

Она послушно опускаетъ подушку и проситъ:

— Посиди, пока я не усну!

По тутъ въ комнату входитъ ея мать и говоритъ:

— Ты опять, Зоя, за старое? Спи! Никто тебя не съѣстъ! А вы, Георгій Николаевичъ, точно маленькій: я вамъ чай давно налила, и онъ уже успѣлъ остыть!

— А ты ему не жалѣй, налей другой чаи,—говорятъ Зои, и я вижу, что она вотъ-вотъ расплатится,—онъ мнѣ еще сказку долженъ рассказать...

По сегодня я уже не рассказываю ей сказки; поцѣловавъ ее, я выхожу пзъ комнаты.

Зоя говоритъ, что когда она вырастетъ, то непременно женится на мнѣ и будетъ курить мою трубку.

Это рѣшено!

Потомъ она не позволитъ своей матери входить въ вашу комнату, когда я буду рассказывать сказки.

— Знаешь, Юрочка,—говоритъ она мнѣ,—только сказки ты долженъ придумывать пострашнѣе, потому что, когда я вырасту, я уже не буду бояться колдуновъ. Это вѣдь только маленькіе бояться ихъ.

— Мнѣ ты могъ бы не рассказывать сказокъ,—говоритъ Елизавета Викторовна,—прибереги ихъ для Зои! Я вижу, что ты уже не любишь меня.

Она говоритъ и не вѣритъ своимъ словамъ, говоритъ и ждетъ, чтобы я...

Но я вѣдь давно уже не люблю ея.

Я люблю другую, и только одна Зоя удерживала меня здѣсь.

— Лиза,—говорю я,—мы на время должны разстаться—на мѣсяць, на два—я уѣзжаю къ роднымъ.

— Очень хорошо!—отвѣчаетъ она слишкомъ твердымъ и спокойнымъ голосомъ.

Она не привыкла къ удареніямъ русскаго языка и потому говоритъ: „Очень хорошо!“.

— Лучше скажи прямо! Ты уѣзжаешь навсегда? Ты женишься?

— Я не знаю!—отвѣчаю я,—да... можетъ быть!

Лицо ея становится мертвенно-блѣднымъ, тускнѣютъ свѣтло-сѣрые глаза...

Затѣмъ она улыбается странной улыбкой, гримасой, напоминающей улыбку.

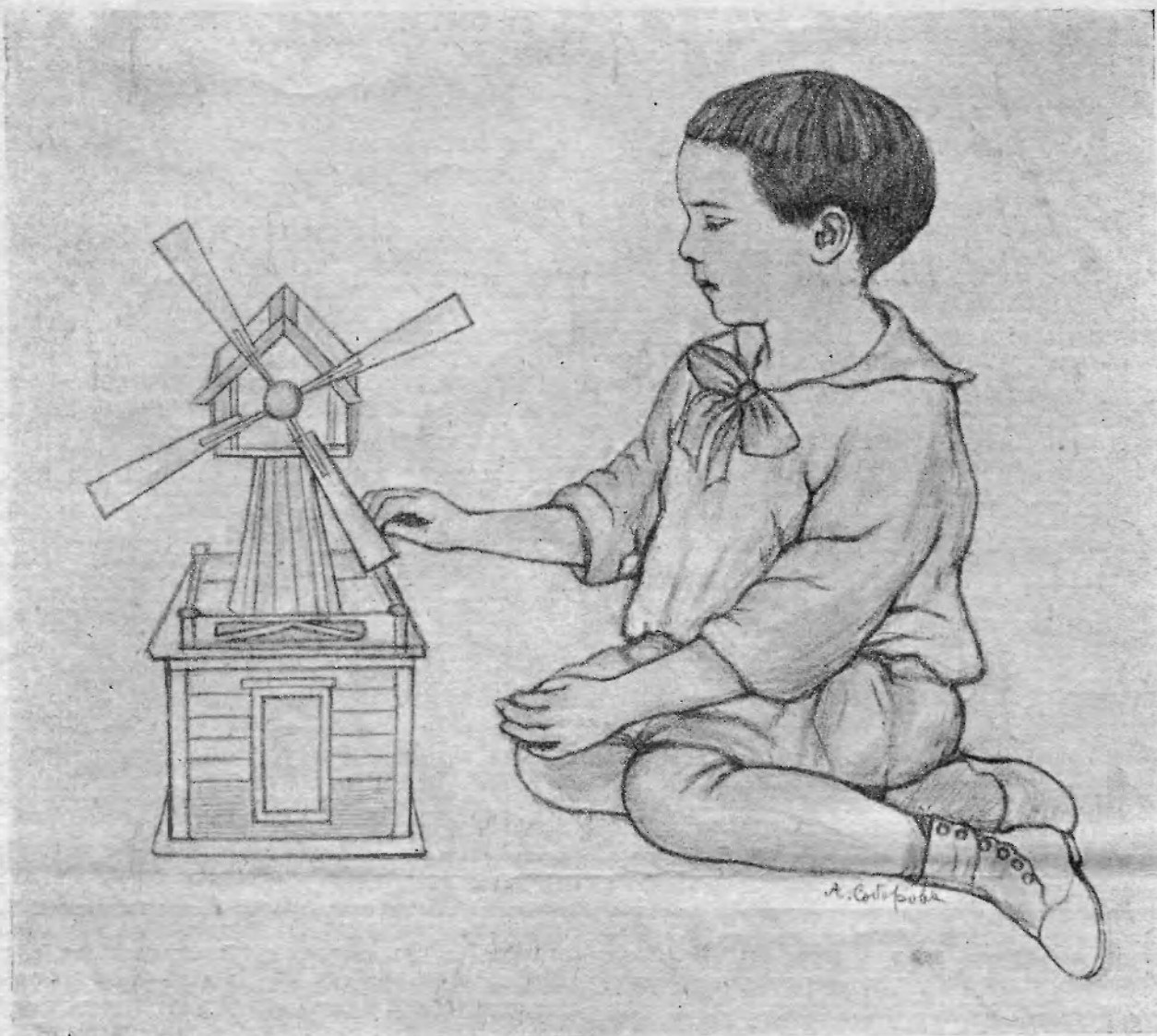
— А что сказать Зоѣ?—спрашиваетъ она.

Я не могу отвѣтить ей сразу... я молчу...

Затѣмъ говорю тихо:

— Скажи ей, что я вернусь, когда она вырастетъ.

Михаиль Сандомирскій.

А. Соболева. Рисунокъ

Д. КРЮКОВЪ.

НА КУКОЛЬНОЙ ВЫСТАВКѢ.

Въ Саперномъ переулкѣ открылась маленькая выставка тряпичныхъ куколъ. Изъ любопытства и меня потянуло по-смотреть. Но раньше долженъ предупредить—выставка эта устроена съ благотворительною цѣлью; это обстоятельство конечно многое извиняетъ, хотя и не можетъ заставить закрыть глаза вовсе, вплотную.

Прежде всего выставка мала, очень мала,—на ней приблизительно штукъ двадцать-тридцать куколъ, не больше, на узкомъ столѣ-ночномъ въ небольшой комнатѣ. Но конечно дѣло не въ количествѣ. Посѣтителей мало или, вѣрнѣе сказать, вовсе нѣтъ; былъ какой-то офицеръ съ дамой, да и тотъ быстро ушелъ.

По-моему, дѣлая куколъ, можно держаться лишь двухъ принциповъ: или быть своего рода миниатюристомъ, поражать отдѣлкой деталей, или же стремиться къ выразительности примитивной, лубочно-народной. Ни того ни другого г-жа Волкова, „изобрѣтательница“ (въ чемъ „изобрѣтеніе“?) тряпичныхъ куколъ, знать не знаетъ и вѣдать не вѣдаетъ. Такъ просто, подражаетъ фабричнымъ издѣліямъ средней руки—не плохо, не хорошо, а просто скучно и сѣро. Источникъ вдохновеній г-жи Волковой тоже не весьма глубокъ и чистъ—почтовые открытки англійскаго типа, второсортныя иллюстраціи („Ноздревъ съ собакой“), порой напоминающія „Газету“ или „Листокъ“ (группы злободневныя—сестра

Е. Лауффе. „Роют окопы“.

милосердія и раненый, плѣнные германцы). Невыносимы „гречанки“ въ стилѣ Бакаловича—неужели кто нибудь рѣшится дать ребенку въ руки подобную пошлость?

Вотъ почти и вся выставка „новозобрѣтенныхъ“ куколъ; если порою и мелькнетъ что нибудь самостоятельное у г-жи Волковой, то сейчасъ она вспомнить про игрушечныхъ фабрикантовъ и испортить куклу. А между тѣмъ какое обширное поприще открыто тутъ для подлиннаго художника,—одни народные образцы дадутъ неисчерпаемый, богатѣйшій матеріалъ. Куклы вѣдь попадутъ въ дѣтскія руки, не слѣдуетъ ли поэтому быть сугубо осторожнымъ и не давать малышамъ вкушать отъ прелестей уличнаго художества?

Г-жа Волкова выставляетъ куклолъ съ благотворительной цѣлью, а я все-таки скажу: „Не ходите на ея маленькую „патентованную“ выставку!“. Лучше опустите вашъ полтин

никъ въ любую кружку, любой сборщицѣ или сборщику. Этимъ вы сдѣлаете два добрыхъ дѣла—поможете солдату и не будете способствовать процвѣтанію антихудожественнаго промысла. Надо беречь дѣтей, надо бороться съ заразой пошлости и безвкусія. И никакой флагъ, даже благотворительный, не долженъ обманывать въ этомъ дѣлѣ. Царство игрушекъ—свѣтлый, волшебный сонъ; кто не помнитъ своей любимой куклы или какой нибудь вихрастой собачки, слоника и прочихъ дорогихъ пустяковъ? Такъ сильно запечатлѣется всегда эта пробуждающаяся любовь къ вещамъ!

Дадимте нашимъ дѣтямъ игрушки, говоряція о нашемъ народѣ, родной землѣ,—право, во сто тысячъ разъ лучше деревянные кузнецы, медвѣди, чѣмъ тряпичные Ноздревы или англійскія бѣбы съ открытыхъ писемъ. Берегите дѣтскій вкусъ и не давайте врываться къ нимъ улицѣ, подъ флагомъ благотворительности проносящей рыночный хламъ и дешевку.

Димитрій Крючковъ.

Продолжается ПОДПИСКА
на 1915 г. (37-й год)
на еженедельн. художественно
литературный семейный
ЖУРНАЛЪ

РОДИНА

ОБИЛІЕ и РАЗНООБРАЗІЕ
материала для чтения и иллю
страции.
УЧАСТІЕ ВЫДАЮЩИХСЯ
русских писателей и худож
Въ 1915 г. подписчик. получают:

№ 52 Илл. **ЖУРНАЛА**
„РОДИНА“
съ повѣст., разск., стих.
выдающ. писат. и многими кар
тинами и рисунками.

№ 52 Илл. „**ВСЕМІРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ**“
событій текущей жизни въ рисун. и описан.
№ 52 Илл. „**РАЗВЛЕЧЕНІЕ въ часы**
отдыха“
юморист. разск., каррикатуры, игры, забавы.

12 **КАРТИНЪ** ЦВѢТНЫМИ
КРАСКАМИ
по интереснымъ оригиналамъ.

40 **ФОТОГРАВИЮРЪ**
съ картинъ выдающ. художн.
на вкладн. листахъ мѣловой бумага

49 **ОБЩЕПОЛЕЗНЫХЪ**
ПРИЛОЖЕНІЙ:
12 №№ „**ДРУГЪ ДѢТЕЙ**“ съ рисунками.
12 №№ **Новѣйшая МОДЫ** (600 рисун.).
12 №№ лист. выкроекъ. 12 №№ лст.
рисунновъ разныхъ любительскихъ
работъ и **ТАБЕЛЬ-КАЛЕНДАРЬ**
на 1915 г. въ краскахъ.

„РОДИНА“ тщательно отражаетъ со
временн. войну въ разказахъ, рисунк.
снимкахъ и въ особомъ приложеніи

„**МЕДЪЛЯ ВОЙНЫ**“ — обзоры военныхъ
и политич. событий.
подвиговъ, сраженій.

80 **КНИГЪ**
(8000 стран)
текста

26 **КНИГЪ**
собрания
сочиненія
В. ТИХОНОВА
выдающаго современн. беллетриста и драматурга, известнаго
всей Россіи. Въ 26 послѣднихъ книгахъ будетъ помещено свыше 90 романовъ и проч.
Первая 16 книгъ полн. собр. сочин. В. ТИХОНОВА высл. новымъ подписчикамъ
за 2 р. съ перес. въ Европ. Россію и 2 р. 50 к. въ Азиатскую Россію.

12 **КНИГЪ**
иллюстр. **СОБРАНІЯ**
РУССКИХЪ РОМАНОВЪ
(не менѣе 12 романовъ, среди которыхъ **ВОЕННЫЕ** и военно-историч. романы В. В.
Муйжеля, А. Вудищева, Л. Чарской, Е. Мауриня, а также соврем. бытов. и историч.
романы И. Н. Потапенко, М. Н. Волконскаго, Б. П. Никонова, А. Е. Зарина и пр.)

18 **КНИГЪ** **ИСТОРИЧЕСК. РО-**
МАНОВЪ и ПОВѢСТЕЙ
Н. СЕВЕРИНА
высокоталантлив. автора историческихъ произведеній изъ жизни Россіи и Польши.

24 **КНИГЪ**
журнала „**СБОРНИКЪ ЛИТЕРАТУРЫ**“
(до 500 разск. и интерес. стат.)

Подписная цѣна „**РОДИНЫ**“ съ прилож. и 80 **КНИГАМИ**

За годъ безъ до-
ставки **7 р.**

Безъ до-
ставки въ
Москвѣ **7 р. 50 к.**

Съ пере-
сылк. по
Россіи **9 р.**
РАЗСРОЧКА 3
первый взносъ **3 р.**

ПОДПИСКА въ Анд. 0-ѣ ИЗДАТЕЛЬСТВА А. А. КАСПАРИ, ПЕТРОГРАДЪ. Лиговская, д. 114, и Садовая, 20.

За ДО ПЛАТУ ДВУХЪ рублей подписчики могутъ получить еще
20 **КНИГЪ** со-
д. А. Д. **АПРАКСИНА**
въ РОМАНОВЪ, повѣст. и разск., приключеній и о. а. а. ар. и соврем. чуж. жизни.
ПОДПИСКА ЦѢНА „**РОДИНЫ**“ съ **ТАБЕЛЬ-КАЛЕНДАРЬ** и 100 **КНИГАМИ**
на годъ 2800 с. р. а.
на которыхъ будетъ
помѣщено 600 л. д. в.
Съ пере-
сылк. по
Россіи **10 р.**
первый взносъ **4 р.**
РАЗСРОЧКА

ПРИ ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА

необходимо сообщить новый адресъ и обязательно ПРИЛАГАТЬ ТРИДЦАТЬ (30) коп. почтовыми
марками и **СТАРЫЙ АДРЕСЪ**, наклеиваемый на обложку журнала, или сообщать его письменно.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ
на 1915 г.
ПОДПИСКА
на еженедельный иллю-
стрирован. литературн.
ЖУРНАЛЪ.
Гг. подписч. получают:

Всемирная НОВЬ

Журналъ **СОВРЕ-**
МЕННОЙ ЖИЗНИ
3750 стол.
тек-ста 2000 ил-
лестр.

186 **ВЫПУСК.**
ЖУРНАЛ.
и
ПРИЛОЖ.

52 №№ илл. „**Всемирная НОВЬ**“
журнала „выдающ. писат. и масса иллюстрацій
СОВРЕМЕННОЙ ВОЙНЫ и текущей жизни.“
52 №№ илл. „**СМѢХЪ и САТИРА**“
отдѣла „юмористическіе рассказы, сатиры, шу-
тки и злободневныя **КАРРИКАТУРЫ**.“

КАРТИНА-ПРЕМІЯ
„**СВИДАНІЕ**“ — большого размѣра, художеств.
воспроизведен. во много красокъ.
будетъ **БЕЗПЛАТНО** подписчик., котор. до 1-го мая
выдана **БЕЗПЛАТНО** 1915 г. внесуть **ГОДОВУЮ ПЛАТУ**.

12 №№ **ХОЗЯЙКА ДОМА**
илл. (300 рис.), хозяйств., медицин. совѣты

ЕЖЕДНЕВНИКЪ на 1916 г.
(съ 366 листк.) съ массой свѣ-
дѣній, на папкѣ для подвѣшив.

ШЕСТЬДЕСЯТЬ ВОСЕМЬ (68) КНИГЪ

АБОНЕМЕНТЪ № 1-й:

20 **КНИГЪ**
собрания
сочинен.
А. Д. АПРАКСИНА преимущесвен.
изъ жизни рус-
ской аристократ.
свыше 35 **РОМАНОВЪ**, повѣстей, разказовъ и проч. (около 2500 страницъ.)
12 **КНИГЪ**
РОМАНОВЪ
подъ назв. „**ДРАМЫ ЖИЗНИ**“ полныя трагизма
и захватывающаго
интер. (1350 стр.)
12 **КНИГЪ**
иллюстр. **СОБРАНІЯ**
РУССКИХЪ РОМАНОВЪ
(большого формата—1000 стран.), лучшихъ соврем. русск. писателей на темы
СОВРЕМЕННОЙ ВОЙНЫ, а также историч. и бытовыя.

24 **КНИГЪ**
ЖУРН. „**СБОРНИКЪ ЛИТЕРАТУРЫ**“ (въ годъ 1800 стран.—до
500 разск. и рѣзн. статей.)
Подписная цѣна „**ВСЕМІРНОЙ НОВИ**“ съ 68-ю **КНИГАМИ**
За годъ съ пе-
ресыл. по Россіи **7 р. 50 к.** За пол-
года **3 р. 75 к.** За
три мѣс. **1 р. 90 к.**
Необходимо **ТОЧНО УКАЗЫВАТЬ** при подпискѣ № абонемента.

АБОНЕМЕНТЪ № 2-й:
32 **КНИГЪ**
(20 кн. собран. сочин. **АПРАКСИНА** и
12 кн. романовъ „**ДРАМЫ ЖИЗНИ**“).

АБОНЕМЕНТЪ № 3-й:
36 **КНИГЪ**
(12 больш. книгъ иллюстр. **СОБРАНІЯ**
РУССКИХЪ РОМАНОВЪ и 24 книги
„**СБОРНИКА ЛИТЕРАТУРЫ**“).
ПОДПИСИ. ЦѢНА „**ВСЕМІРНОЙ НОВИ**“
съ **КНИГАМИ** 2-го или 3-го **АБОНЕМ.**
За годъ съ пересыл. **5 р.** За 6
мѣс. **2 р. 60 к.**
За три мѣс.—**1 р. 35 к.**
ПОДРОБНАЯ ПРОГРАММА высыл-
пается **БЕЗПЛАТНО**.

ПОДПИСКА на „**ВСЕМІРНУЮ НОВЬ**“ адресуется въ
Анд. Общество **ИЗДАТЕЛЬСТВА А. А. КАСПАРИ, ПЕТРОГРАДЪ**,
Лиговская ул., 114—отдѣлг.: **ПЕТРОВЪ РАДЪ, САДОВАЯ, 20** (прот. Госпиталь),
МОСКВА, Петербургскія линіи, конт. Н. Н. Печниковой.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ (БЕЛЛЕТРИСТИЧЕСКИХ И ФИЛОСОФСКИХ)

Л. Н. ТОЛСТОГО

подъ общей редакціей Д. В. ФИЛОСОВОА, въ 82-хъ КНИГАХЪ (до 9.000 стран. текста въ ¼ долю листа), напечатанныхъ на высенглазированной бумагѣ, четнымъ шрифтомъ. Къ издаванію будутъ приложены портреты автора, воспроизведенные на мѣловой бумагѣ, и его биографія. Обложка художника Д. И. Митрохина.

Въ изданіе войдутъ ВСѢ ПРОИЗВЕДЕНІЯ Л. Н. ТОЛСТОГО, а именно:

РОМАНЫ И ПОВѢСТИ:— „Война и Миръ“, „Анна Каренина“, „Крейцеровъ соната“, „Воскресеніе“, „Дѣтство, отрочество и юность“, „Казакъ“, „Утро помѣщика“, „Семейное счастье“, „Декабристы“, „Записка маркера“, „Два гусара“, „Поликушка“— **РАЗСКАЗЫ:**— „Набѣгъ“, „Севастополь“, „Рубка лѣса“, „Встрѣча въ отрядѣ“, „Метель“, „Альбертъ“, „Люцернъ“, „Три смерти“, „Холстомѣръ“, „Тихонъ и Маланья“, „Идиллія“, „Смерть Ивана Ильича“, „Хозяинъ и работникъ“, „Корней Васильевъ“, „За что?“, „Ягоды“, „Пѣсни на деревнѣ“.

ДРАМАТИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ:— „Власть тьмы“, „Плоды просвѣщенія“, „Живой трупъ“, „И свѣтъ во тьмѣ свѣтитъ“, „Отъ ней всеъ качества“.

ПОСМЕРТНЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ:— „Хаджи Муратъ“, „Отецъ Сергій“, „Дьяволъ“, „Послѣ бала“, „Фальшивый купонъ“, „Алеша Горшокъ“, „Зеленая палочка“, „Записки сумасшедшаго“, „Два спутника“, „Кто правъ?“, „Отецъ Василій“, „Кто убійца?“, „Гермомахъ Исидоръ“, „Ходынка“ и проч.— **ПОВѢСТИ И РАЗСАЗЫ для НАРОДА:**— „Чѣмъ люди живы“, „Первый винокуръ“, „Ходите въ свѣтъ“, „Къ ющейся грѣшникъ“ и проч. 32 произведенія.

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКІЯ СОЧИНЕНІЯ:— „Исповѣдь“, „Въ чемъ моя вѣра“, „Христіанское ученіе“, „Ученіе Христа, изложенное для дѣтей“, „Что такое религія“, „Какъ читать Евангеліе и въ чемъ его сущность“ и проч. статьи 80-хъ и 90-хъ гг.— **ИРУГЪ ЧТЕНІЯ“**— **СТАТЬИ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКІЯ**, а также объ искусствѣ, литературѣ, критическія.— **ПЕДАГОГИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ** и пр., и пр.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ Л. Н. ТОЛСТОГО БУДЕТЪ ДАНО ВЪ 1915 ГОДУ

въ видѣ БЕЗПЛАТНАГО ПРИЛОЖЕНІЯ къ слѣдующимъ ЖУРНАЛАМЪ:

„ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“

Годъ изд. II.

„Голосъ Жизни“—первый русский иллюстрированный еженедѣльный, поставивши себѣ целью соединить художественность съ занимательностью, серьезность— съ общедоступностью.

Въ каждомъ номерѣ „Голоса Жизни“ помѣщаются рассказы, стихи, статьи талантливыхъ представителей всѣхъ литературныхъ теченій и не менѣе двадцати иллюстрацій.

Въ литературѣ „Голосъ Жизни“ стремится къ широкой объективности, а въ публицистикѣ— къ объективной демократическимъ и прогрессивнымъ элементамъ русскаго общества.

Углубленное толкованіе современныхъ событий, подготовленіе русскаго общества къ предстоящей творческой работѣ— таково основное стремленіе „Голоса Жизни“.

„Голосъ Жизни“—богато иллюстрированъ и даетъ тонкохудожественный матеріалъ, равно какъ и фотографическія снимки съ театра военныхъ дѣйствій.

Съ новаго года „Голосъ Жизни“ выйдетъ при ближайшемъ участіи Д. В. Филосова.

Въ „Голосѣ Жизни“ помѣщаются стихотворенія и рассказы: С. Андреевскаго, С. Аслондера, В. Бестужева, А. Блока, В. Брусилова, Б. Верхостинскаго, Э. Гиппуса, С. Гордеева, Л. Добролюбова, Бориса Зайцева, Георгія Иванова, В. Карачаровой, Д. Крачновскаго, Д. Крюкова, А. Ремизова, В. Ропчина, Ю. Слезкина, П. Соловьевой, Ф. Сологуба, А. Чапыгина, Ив. Шмелева, К. Эрберга и др.

Въ „Голосѣ Жизни“ помѣщаются статьи: Б. Веселовскаго, Владимира Гиппуса, В. Ирвинга, В. Каратыгина, проф. А. Карташева, Н. Коробина, проф. М. Курчинскаго, Антона Крайнего, Д. Левина, Н. Лернера, А. Мейера, Д. Мережковскаго, М. Новорусскаго, Е. Семенова, М. Славинскаго, проф. К. Соколова, Ю. Слонимской, проф. М. Туганъ-Барановскаго и др.

Въ „Голосѣ Жизни“ принимаютъ участіе художники: Александръ Бенуа, И. Билибинъ, Ф. Буони, М. Добужинскій, Г. Лукомскій, Д. Митрохинъ, М. Нечитайло-Андришко, Н. Рерихъ, Н. Смирновъ, А. Соборовъ, С. Чехонинъ, В. Яннауеръ и др.

Подписчики „ГОЛОСА ЖИЗНИ“ получаютъ:

52 №№ художеств.-литературн. журнала и

82 КНИГИ ПОЛНАГО СОБРАНІЯ ВСѢХЪ СОЧИНЕНІЙ Л. Н. ТОЛСТОГО.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА за ГОДЪ съ пересылкой 8 р. 50 к.

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА: при подпискѣ 3 р. 50 к., къ 1-го марта—2 р., къ 1-го юня—2 р., къ 1-го августа—1 р.

Принимается подписка на журналъ „ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“ безъ книгъ Л. Н. Толстого.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА за годъ—4 р. 50 к., за полгода—2 р. 50 к., за 3 мѣс.—1 р. 35 к.

Пробные номера—20 коп. съ пересыл. При подпискѣ указывать избранный журналъ и число книгъ и адресовать

Акц. Общ. ИЗДАТЕЛЬСТВА А. А. КАСПАРИ, ПЕТРОГРАДЪ: 1) Лиговская, д. 114, и Садовая, д. 20.

„ВСЕМІРНАЯ НОВЬ“

(10-й г. изд.)

„ВСЕМІРНАЯ НОВЬ“—еженедѣльный иллюстрированный журналъ СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ, дающій въ теченіе года

52 №№ ЛИТЕРАТУРН. ЖУРНАЛА съ массой рисунковъ, иллюстрирующихъ ТЕКУЩІЯ ВОЕННЫЯ и проч. событія мировой жизни, съ интересными рассказами—новинками русской и иностранной литературы и проч. ПРИ НЕМЪ ВЫЙДУТЪ

66 ПРИЛОЖЕНІЙ

52 №№ ориг. ил. отдѣла „СМѢХЪ и САТИРА“, а также

12 №№ „ХОЗЯЙКА ДОМА“ (ком. и домово). ОТРЫВНОЙ

КАЛЕНДАРЬ-ЕЖЕДНЕВНИКЪ на 1916 г., взявшая

КАРТИНА-ПРЕМІЯ—„СВИДАНІЕ“ и

82 КНИГИ ПОЛНАГО СОБРАНІЯ ВСѢХЪ СОЧИНЕНІЙ Л. Н. ТОЛСТОГО.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА за ГОДЪ съ пересылк. 7 р. 50 к.

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА: при подпискѣ 3 р., къ 1-го марта—1 р. 50 к., къ 1-го юня—1 р. 50 к., къ 1-го августа—1 р. 50 к.

Принимается УДЕШЕВЛЕННАЯ подписка на „ВСЕМІРНУЮ НОВЬ“ съ 66-ю ПРИЛОЖЕНІЯМИ и

50 КНИГАМИ ПОЛНАГО СОБРАНІЯ

РОМАНОВЪ, ПОВѢСТЕЙ, РАЗСКАЗОВЪ и ДРАМЪ

Льва Ник. ТОЛСТОГО

(т. е. за исключен. его философск. произведеній)

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА за ГОДЪ съ перес. ШЕСТЬ (6) руб.

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА: при подпискѣ—ДВА (2) р., къ 1-го марта—1 р. 50 к., къ 1-го юня—1 р. 50 к., къ 1-го августа—1 руб.

Необходимо при уплатѣ ПЕРВАГО ПОДПИСНОГО ВЗНОСА точно указать, желательно ли получить журналъ „ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“ съ 82-ми книгами полнаго собранія сочиненій Л. Н. Толстого, или безъ этихъ книгъ, а журналъ „ВСЕМІРНАЯ НОВЬ“—съ 82-ми или 50-ю книгами сочиненій Л. Н. Толстого.

Ввиду высокой цѣнности для научнаго міра творчества Л. Н. Толстого, будетъ обращено особое вниманіе на тщательность печати и издательство въ вышнѣмъ видѣ полнаго собранія его сочиненій.